№ 11. Іюнь.

МОСКОВСКІЙ ТЕЛЕГРАФЪ.

ЗАМѢЧАНІЯ О ТРАНСИЛЬВАНІИ.

(Отрывокъ письма И. П. Яковенко, изъ Бухареста, отъ 4-го Января 1829 года).

Непростительно-бы мнѣ было, находясь столь долгое время въ пограничныхъ съ Трансильваніею мѣстахъ, не доставить вамъ нѣкоторой идеи и на счетъ обитателей, населяющихъ сію сѣверную страну хребта горъ Карпатскихъ.

Самый городъ *Кронштатъ*, называемый иначе по Волошски *Брашовъ*, а въ древнее время *Стефано-поли*, занимаетъ мѣстоположеніе, по истинѣ, очаровательное. Прикрываясь съ одной стороны цитаделью, на высокой горѣ устроенною, распространяетъ онъ населеніе свое между двухъ горъ, съужающихся наконецъ въ глубину хребта, такъ, что далѣе не остается ничего болѣе, какъ одно только ущелье, съ нѣсколькими мѣльницами, на протекающемъ по оному ручьѣ устроенными. Городъ раздѣляется на четыре главныя части: *Брашовъ-веки* (старый); *Блумина*, *центральный*

городъ, высокою крѣпкою стѣною, съ пятью воротами, обнесенный, и *Скей*, гдѣ живутъ большею частію Волохи. Одна гора, отдѣляющаяся отъ главнаго хребта, наклоняется надъ самымъ городомъ, такъ, что кажется угрожаетъ своимъ паденіемъ. Будучи покрыта прекраснымъ лѣсомъ, представляетъ она самую прелестную для глазъ картину; подъ симъ лѣсомъ, вокругъ горы, протекаетъ ручеекъ, низвергающійся въ верхней части, со стороны Скея, откуда уже течетъ онъ чрезъ разныя улицы предъ самыми домами. Проведенные каналы сей воды весьма много способствуютъ, какъ очищенію города отъ засора, такъ и для другихъ надобностей жителей. Со всѣхъ сторонъ находятся прекрасныя мѣста для прогулки, и есть особенная аллея съ однимъ водометомъ, бросающимъ воду саженей на 6 вверхъ, и стоющимъ городу самыхъ малозначущихъ издержекъ, при мѣстоположеніи столь удобномъ. Настоящіе жители города Кронштата есть Саксонцы, Лютеранскаго исповѣданія, поселившіеся въ Трансильваніи болѣе уже 680 лѣтъ назадъ тому; управляются они собственнымъ Магистратомъ, состоящимъ изъ 12-ти членовъ, и удерживаютъ еще донынѣ особенныя свои привиллегіи. Цѣлый округъ Кронштата заключаетъ въ себѣ 13 селеній и мѣстечекъ свободныхъ, и 14 селеній, надъ коими Магистратъ Кронштата сохраняетъ особенную власть

и права. Какъ въ самомъ городѣ, такъ и въ деревняхъ, со всѣхъ сторонъ видно благоустройство и порядокъ въ дѣлахъ частныхъ и общественныхъ. Я провелъ довольно времени въ одномъ изъ лучшихъ селеній *Тортлау*, иначе называемомъ *Прежмеръ*, гдѣ замѣтилъ отличную дѣятельность и самое благоразумное распоряженіе жителей по экономическимъ упражненіямъ своимъ. У каждаго въ домѣ опрятность, чистота и порядокъ въ дѣлахъ весьма примѣтны. Когда начинаетъ кто строить вновь домъ, то цѣлая деревня ему вспомоществуетъ, и это круговая между жителями обязанность. Въ церквахъ каждый занимаетъ свое мѣсто по старшинству лѣтъ. Священникъ, назначаемый всегда изъ ученыхъ студентовъ, преподаетъ наставленія, не только въ церквахъ, но и въ другихъ случаяхъ, имѣя вліяніе на поведеніе ихъ, и рѣшая между ими споры, въ которыхъ они относятся къ нему прежде нежели предстанетъ кто на судъ гражданскій. Дѣти, всѣ вообще, должны обучаться грамотѣ у учителя, который, кромѣ сей должности, управляетъ часто и органною въ церкви музыкою. Но ученіе дѣтей прекращается съ наступленіемъ лѣта; въ это время всѣ они вспомоществуютъ родителямъ своимъ въ работахъ. Священники, получая газеты, часто сообщаютъ жителямъ новыя по экономической части открытія, что весьма много спо-

собствуетъ распространенію полезныхъ нововведеній.

Отъ сей деревни, верстахъ въ четырехъ къ сѣверу, протекаетъ небольшая рѣчка *Татранъ*, полагающая границу Кронштатскому округу, объемлемому съ другой стороны рѣкою Алутою или Олтою. За нею находятся поселенія Венгерцевъ или Унгуровъ, которыхъ деревни и дома не имѣютъ уже столь отличнаго устройства, какъ селенія Саксонцевъ. Впрочемъ, тѣ изъ нихъ, кои не состоятъ въ подданствѣ помѣщиковъ (нямишей), гораздо въ лучшемъ состояніи, нежели крѣпостные Іобачи.

Многія изъ деревень Трансильваніи (исключая привиллегированный округъ Кронштата) составляютъ военныя поселенія. Жители оныхъ въ одно время и хлѣбопашцы и солдаты; будучи поселены на самыхъ границахъ государства, и между горами Карпатскими приносятъ они пользу Имперіи неисчислимую. Вся страна сія, столь способная къ сокрытію въ непроходимыхъ лѣсахъ своихъ и въ утесистыхъ горахъ разбойническихъ шаекъ, очищается отъ оныхъ военными поселенцами, и на отвѣтственности ихъ лежитъ все благосостояніе распредѣленныхъ имъ мѣстъ. Они доведены теперь до столь отличнаго устройства, что, смотря на экзерциціи ихъ, нельзя сравнишь солдатъ сихъ съ другими ли-

нейными войсками. Раздѣлены они на роты, баталіоны и полки; Капитаны имѣютъ свои непремѣнныя квартиры въ назначенныхъ навсегда имъ деревняхъ, равно какъ и прочіе офицеры. Для стражи на границахъ, отправляются солдаты поочередно, и въ сіи только дни отпускается каждому изъ нихъ по положенному числу крейцеровъ; въ прочее время никакого уже содержанія отъ государства они не получаютъ, но остаются только свободными отъ всякихъ податей и повинностей. Если-бы можно было приспособить и у насъ устройство таковыхъ поселеній между обитателями Грузіи въ лѣсахъ и горахъ, то, кажется, государство приобрѣло-бы чрезъ то особенную пользу.

Я находился довольное время въ деревнѣ *Ковасиѣ* или *Кохасиѣ*, состоящей верстахъ въ 50 къ сѣверу отъ Кронштата, подъ самымъ хребтомъ горъ Карпатскихъ, въ которой военные поселенцы находятся въ отличномъ устройствѣ. Въ городѣ Важергелѣ заведено теперь и училище для дѣтей военныхъ поселенцовъ, весьма хорошее, подъ начальствомъ одного Полковника, отличающагося, какъ говорятъ, превосходнымъ умомъ и свѣдѣніями.

Гусарскіе Венгерскіе полки отъ сихъ-же мѣстъ начинаютъ свои поселенія; я посѣщалъ командира одного изъ полковъ сихъ, Подполковника

(Обершта) Графа Галлера, человѣка прекрасныхъ качествъ, и видѣлъ гусаровъ полка его въ отличномъ устройствѣ. Пребываніе свое имѣетъ онъ въ собственной деревнѣ, *Загонъ*, подъ самыми Карпатскими горами, на прекрасномъ мѣстоположеніи. Всѣ Унгуры весьма веселаго нрава, большею частію чистосердечны, и дворянство ихъ, или Нямиши, весьма гостепріимны.

Говоря о мѣстахъ сихъ, не льзя не упомянуть и о минеральныхъ водахъ, находящихся въ вышеупомянутой деревнѣ Коваснѣ; онѣ употребляются наиболѣе для ваннъ, которыя, нагрѣваясь бросаемыми въ нихъ раскаленными каменьями, приносятъ многимъ ощутительную пользу. Нѣкоторые, не смотря на противный запахъ сѣры, употребляютъ сіи воды и для питья. Но вообще предпочитаютъ пить воду въ деревнѣ Арапатакѣ, къ сѣверо-западу, верстахъ въ 15-ти отъ Кронштата находящуюся, которая, имѣя свойство очищать желудокъ, весьма много способствуетъ и къ изгнанію глистовъ. Вода сія не имѣетъ сѣрнаго запаха, но заключая, по видимому, наиболѣе желѣзныя частицы, играетъ въ винѣ такъ-же, какъ и другія минеральныя воды, хотя впрочемъ не столь сильно, сколько вода изъ Борсека, отсель верстъ за 100 находящаяся. Есть и еще въ деревнѣ Бодокъ, далѣе Арапатака къ сѣверу, минеральная вода, ко-

торая отличается отъ обѣихъ вышеозначенныхъ водъ особеннымъ свойствомъ, и употребляется какъ для питья съ виномъ, такъ и для ваннъ. Но въ семъ послѣднемъ случаѣ не приноситъ она, равно какъ и Ковасненская, никогда такой пользы, какъ воды натурально теплыя, каковыя находятся въ сихъ-же Карпатскихъ горахъ, къ сторонѣ Дуная, въ Баннатскомъ округѣ Мехадіи; сіи послѣднія отличаются превосходнѣйшимъ свойствомъ; я самъ видѣлъ нѣсколько человѣкъ, которые получили совершенное облегченіе въ сильнѣйшихъ простудныхъ болѣзняхъ.

Въ нижней части деревни Ковасны, не вдалекѣ отъ Кальвинской церкви, заслуживаетъ примѣчаніе еще одна особенная вода, которая проникая изъ внутренности земли сквозь отверстіе, имѣющее въ окружности своей на поверхности не болѣе одной сажени, безпрестанно клокочетъ и испускаетъ изъ себя довольно сильный запахъ сѣры. Цвѣтъ воды сей совершенно сходствуетъ съ молочнымъ шоколадомъ, и осаждающійся въ окружности отверстія пепелистый илъ доказываетъ, что внутренность земли сей наполнена волканическими, самыхъ можетъ быть древнѣйшихъ временъ, остатками.

Вообще въ деревнѣ Ковасны, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ находятся минеральные колодцы, погреба самые неглубокіе наполняются столь сильнымъ запа-

хомъ, что никакое животное оставаться въ нихъ долго не можетъ; курицы и утки, заходящія въ оные, скоро издыхаютъ.

Впрочемъ, не въ одномъ семъ мѣстѣ находятся въ землѣ сѣрныя часпицы; есть къ Сѣверо-западу, между Бодокомъ и Чакъ-Середою, горы, которыя заслуживаютъ особенное примѣчаніе. Первое объ оныхъ свѣдѣніе было уже причиною моего любопытства: мнѣ хотѣлось видѣть ихъ собственными глазами. Путешествіе довольно трудное, верстъ на 30 отъ Вашергеля, по мѣстамъ гористымъ и лѣсистымъ, было вознаграждено приобрѣтеннымъ мною свѣдѣніемъ на счетъ рѣдкаго, удивительнаго дѣйствія произведеній въ природѣ. Во глубинѣ горъ, среди лѣсовъ, находятся въ каменныхъ скалахъ разсѣлины, при которыхъ нашелъ я довольное число больныхъ, пользующихся отъ чесотки и прочихъ накожныхъ болѣзней. Иные въ шалашахъ, другіе въ шатрахъ остаются здѣсь недѣли по двѣ и по три; входятъ съ закрытымъ носомъ и ртомъ на минуту въ разсѣлины, и возвращаются, не останавливаясь, опять назадъ. Дѣйствіе скопляющагося въ развалинахъ воздуха ощутилъ я столь необыкновенное, что во всей внутренней части ногъ моихъ почувствовалъ чрезвычайное согрѣтіе; часовая цѣпочка изъ Французскаго золота вся вдругъ потемнѣла. Нижняя часть разсѣлинъ покрыта со всѣхъ сторонъ сѣрнымъ цвѣтомъ до

того только возвышенія, до котораго проникаетъ наружный атмосферическій воздухъ. Больные намазываютъ симъ сѣрнымъ цвѣтомъ кожу или раны, и многіе получаютъ скорое выздоровленіе. Птицы, которыя залетаютъ въ сіи разсѣлины, тотчасъ падаютъ тамъ мертвыми.

При возвращеніи моемъ изъ сего дикаго мѣста, замѣтилъ я остатки развалинъ, на вершинѣ высокой горы, въ лѣсу. Пастухъ, здѣсь бывшій въ то время, не могъ ничего объяснить мнѣ другаго, кромѣ того, что дворъ сего древняго замка устланъ весьма хорошо камнемъ, и что подъ онымъ сохранился еще и понынѣ въ цѣлости погребъ. Исторію, самую чародѣйскую на счетъ погреба сего, началъ было онъ мнѣ повѣствовать, говоря, что нѣкто, имѣвшій намѣреніе искать въ оном погребѣ денегъ, при первомъ открытіи дверей упалъ и умеръ; но имѣя уже свѣдѣніе о дѣйствіи сѣрнаго воздуха, тотчасъ догадался я, что не Сатана, по мнѣнію пастуха тамъ обитающій, а физическая только сила спертаго сѣрнаго духа, не менѣе и въ другихъ мѣстахъ убійственнаго, лишила жизни искателя денегъ.

Въ окружностяхъ горъ сихъ, гдѣ оканчиваются лѣса, находятся довольно частыя заселенія Унгуровъ, и всѣ почти деревни ихъ соединяются между собою тщательно устроенными въ

прямую линію шоссе. Изобиліе въ камняхъ и способный грунтъ земли, какъ здѣсь, такъ во всей области Кронштатской, и въ другихъ мѣстахъ, Карпатскими горами объемлемыхъ, весьма много способствуютъ таковому устройству дорогъ. Въ прочихъ-же мѣстахъ Трансильваніи и Венгріи, еще неудобнѣе путешествовать, нежели у насъ въ Россіи; впрочемъ справедливый наблюдатель конечно не можетъ обвинять тамъ ни жителей, ни Правительства, потому что требовать отъ обитателей доставленія камня изъ мѣстъ самыхъ отдаленныхъ, было-бы и безразсудно и неудобоисполнительно.

Недалеко отъ селенія Бодокъ находится стеклянная фабрика, въ которой нашелъ я одно лишь самое обыкновенное стекло, употребляемое на надобности сего округа.

Квартируя въ Бодокѣ у одной вдовы, я узналъ отъ нея ужаснѣйшее горе, которое сокрушаетъ ея сердце. Она имѣла двадцатилѣтняго прекраснаго сына; любовалась имъ цѣлая деревня; но судьба предназначила ему участь самую горестную. Отправясь въ лѣсъ за волами, на пастьбищѣ находившимися, встрѣтился онъ тамъ по несчастію съ разбойниками, жителями одной съ нимъ деревни, которые, препровождая украденныхъ ими лошадей, побоялись, что онъ воровство ихъ откроетъ. Злодѣи схватили его; но

не желая лишить жизни, приговорили только, чтобы выколоть ему глаза и отрѣзать языкъ. Молодой человѣкъ долго защищался, умолялъ ихъ оставить его; но все было тщетно: ножи разбойническіе окружили его, и въ отчаянной борьбѣ, получая раны не только въ глаза, но и въ другія части тѣла, наконецъ разстался онъ съ жизнію въ цвѣтущихъ лѣтахъ, а убійцы его, въ тотъ-же самый день пойманные, сознались въ своемъ ужасномъ и безчеловѣчномъ злодѣйствѣ и получили заслуженную казнь на висѣлицѣ.

УКРАИНСКІЯ МЕЛОДІИ (*).

I.

Сонъ—Трава.

(Голосъ: *Ой! хто въ лиси, озовыся!*)

Вечеромъ сбирайтесь, дѣвы,
Слушать пѣснь мою;
Подъ родимые напѣвы
Что-то вамъ спою.

(*) *Ирландскія мелодіи* Томаса Мура дали Автору мысль счастливую: поэтическія суевѣрія, предразсудки, повѣрья Малороссіянъ, ихъ историческія народныя воспоминанія и домашній бытъ изобразить

Въ рощѣ темной и дубовой,
Каждый годъ, съ весною новой,
Сонъ-трава цвѣтетъ
Краской темноголубою;
Все узнаетъ, кто съ зарёю
Первый цвѣтъ сорветъ.

Выйдутъ юноши толпами,
Ни заря, ни свѣтъ,
Соберутся подъ дубами
И срываютъ цвѣтъ,
Въ ключевую ставятъ воду,
А какъ ночь пройдетъ по своду,
Какъ взойдетъ луна,
Подъ подушку набросаютъ
И со страхомъ засыпаютъ,
Дожидаясь сна.

Что-то этотъ сонъ имъ скажетъ?
Правду скажетъ сонъ.
Щастье, горе-ль онъ укажетъ —
Вѣщій будетъ онъ.

въ разныхъ стихотвореніяхъ. Будучи отличнымъ музыкантомъ, Авторъ приноровилъ размѣры каждой изъ своихъ балладъ къ какому нибудь извѣстному Малороссійскому напѣву. Съ истиннымъ удовольствіемъ слушали мы опыты Г-на Маркевича, совершенно въ новомъ для Русской литтературы родѣ стихотвореній, и просили его предварительно познакомить посредствомъ Телеграфа публику съ *Украинскими мелодіями*. Онъ намѣренъ издать ихъ особою книжкою, вмѣстѣ съ нотами. *Изд. Тел.*

Вотъ о полночь, вдругъ дѣвица,
Станъ какъ тополь, круглолица,
Въ золотомъ вѣнцѣ,
Въ свѣтлый Божій храмъ къ налою
Спанетъ звать насъ за собою,
Стоя на крыльцѣ.

Что-жъ, какъ насъ не та невѣста
Посѣтитъ какъ разъ?....
Гдѣ былъ ротъ — пустое мѣсто,
Дыры — вмѣсто глазъ!
На главѣ у ней корона,
Въ костяныхъ рукахъ икона
Съ восковымъ крестомъ,
Назади пылаютъ свѣчи,
Саванъ покрываетъ плечи,
И — попы кругомъ!

Нѣтъ, не бойтесь! Гостья эта
Не разбудитъ васъ,
Не придетъ съ того къ вамъ свѣта
Въ полуночный часъ;
Но въ Казацкія жилища
Съ Чигиринскаго кладбища (*)
Придутъ Казаки;
Дорогіе будутъ гости,
Какъ размешанныя кости
Сдвинутся въ полки!

(*) Тамъ, гдѣ нынѣ каменоломни, принадлежащія Гр. Гурьевымъ, въ Чигиринѣ надъ Тясминемъ, на крутой и высокой горѣ, прежде стоялъ дворецъ

Лицы синія отъ муки,
Шеи подъ пешлёй,
И оторванныя руки
Принесутъ съ собой,
Груди ранами покрыты,
Кости пыткой перебиты,
Цѣпи по ногамъ...
Придутъ, загремятъ цѣпями,
И—голодными устами
Что-то скажутъ вамъ...

Богдана Хмельницкаго; слѣды дворца видны только по двумъ предметамъ: замѣтны каменныя ямы, уже обросшія дерномъ; онѣ служили темницами для плѣнныхъ Поляковъ; другая примѣта лощина, просѣченная въ горѣ; она была когда-то дорогою къ водопою для Гетьманскихъ коней. Идучи къ лѣсу, извѣстному подъ именемъ: *Чушъ*, гдѣ находились прежде курени Казачьи, видите два кладбища; одно новое, другое состоящее изъ большихъ могилъ и давно оставленное. На послѣднемъ похоронены Казаки, казненные по повелѣнію Воеводы Чаплинскаго, пока Хмельницкій не взялъ своихъ мѣръ для прекращенія буйства Поляковъ; тамъ лежатъ и тѣ Малороссіяне, которые были замучены послѣ смерти Богдана, когда его трупъ, погребенный въ Субботовѣ, былъ выброшенъ Поляками изъ гроба и украденъ приверженнымъ къ нему войскомъ. Звѣрство враговъ было невѣроятно: имъ надобно было имѣть умъ необыкновенно изобрѣтательный для казней. *Сост.*

II.

Удавленикъ.

(Голосъ: *И вчора горохъ*, и проч.)

Былъ одинъ Казакъ у насъ;
Я не знаю, что съ нимъ сталось:
Какъ пришелъ полночный часъ,
И какъ много показалось
Звѣздъ на небѣ голубомъ,
Въ огородѣ, за селомъ,
Взлѣзъ онъ на верьбу сухую,
Развернулъ веревки пукъ,
Выбралъ самый толстый сукъ,
Пешлю завязалъ пройную.

Вошъ—веревку прицѣпилъ
Онъ къ верьбѣ тремя узлами,
Въ пешлю голову вложилъ,
Сдѣлалъ кресшъ двумя перстами,
И на землю разомъ—бухъ!
Хочешъ крикнушь: спёрло духъ,
Голую казачью шею
Узелъ давишъ, пешля трешъ,
И распушашь не даешъ
Тѣло тяжестью своею.

Долго рвался онъ, хрипѣлъ,
Руки къ шеѣ подымались,
Какъ земля онъ почернѣлъ,
Ноги въ воздухѣ болшались.
Спишъ село; глухая ночь:
Казаку не льзя помочь;

Поле не кипитъ народомъ,
Не кричитъ еще пѣтухъ!..
Только сельскій нашъ пастухъ
Видѣлъ чудо мимоходомъ.

Спряшавъ сѣрые хвосты,
Вѣдьмы прыгали клубками,
Какъ на шабашѣ коты
Замяучили толпами;
Визгъ и топотъ раздались,
Домовые собрались,
Застучали козьи ноги,
Оборотень засвисталъ,
И удавленика спалъ
Лѣшій подымать на роги.

Много вышло мертвецовъ,
И вокругъ верьбы плясали,
И привставши изъ гробовъ
Всѣ скелеты хохотали.
Тутъ — давай бѣжать пастухъ!
Мѣсяцъ на небѣ потухъ;
Казака съ верьбы стащили;
Безъ хоругвей, безъ крестовъ,
Безъ отправы, безъ поповъ,
Надъ дорогой схоронили.

На распутьи, за селомъ
Есть могила; чудной силой
Въ полночь краснымъ огонькомъ
Что-то брезжетъ надъ могилой:
Тамъ удавленикъ лежитъ,
То душа его горитъ!

Люди добрые! пройдите
Мимо бѣднаго его,
Киньте палку на него
И молитву сотворите.

Годъ пройдетъ отъ этѣхъ поръ,
Мы придемъ къ нему толпою,
Палки сложимъ мы въ костёръ
И зажжемъ Страстной свѣчою.
И подымется надъ нимъ
Синій пламень, черный дымъ,
Всѣ грѣхи тотъ пламень сниметъ,
Онъ отъ муки разрѣшитъ,
Милосердый Богъ проститъ,
И, быть можетъ, душу приметъ.

Ник. Маркевичъ.

КАВКАЗЪ.

Г. А. Римскому Корсакову.

Отчизна горъ въ моихъ очахъ,
Окаменѣлые гиганты предо мною;
Громады мрачныя, какъ будто на часахъ
Стоятъ гранитною стѣною!
Въ вѣнцѣ изъ темнаго кустарника одна,
Зеленымъ бисеромъ унизана другая,
Тамъ голыхъ скалъ семья чернѣетъ вѣковая,
Надъ ней волнистыхъ тучь клубится пелена;
Подъ тяжкими ея стопами
Вокругъ богатыми, махровыми коврами

Луга холмистые лежатъ ;
На нихъ изъ сердца горъ кипучіе фонтаны,
Бушуя, серебромъ растопленнымъ летятъ;
Въ гранитныхъ броняхъ великаны
Склонясь на пропасти, ихъ грозно сторожатъ,
И тихо рѣчка голубая,
Змѣей сафирною ушесы обвивая,
Журчитъ межъ каменныхъ стремнинъ.
Но кто сей мрачный исполинъ?
Иль замокъ мрачнаго громадъ сихъ властелина,
Огромный съ башнями зубчатыми дворецъ?
Рядъ острыхъ скалъ его вѣнецъ,
Сѣдая дымка тучь одежда исполина.
Ты-ль, *пасмурный* Бешту, колоссъ сторожевой,
Въ туманѣ облаковъ чело свое скрывая,
Горъ пятиглавый царь, чернѣешь предо мной
Вдали, какъ туча громовая?
Такъ, такъ, ужь не во снѣ я новый зрю Парнассъ!
Ужь не восторженный *богинею разсказа*,
О люди, здѣсь я выше васъ
Всей дивной вышиной Кавказа,
Здѣсь на скалахъ Бешту, въ утробѣ сихъ громадъ,
Въ чертогахъ матери-природы,
Здѣсь, гдѣ гранитные ихъ своды
Со мною о вѣкахъ минувшихъ говорятъ!
Проснитесь спящіе подъ ихъ навѣсомъ годы!
Вѣщай, отчизна горъ: которая скала
Кровь Прометееву пила?
Скажи: какъ онъ страданій вѣчность,
Неволи горькой безконечность
За дружбу къ смертному сносилъ?
И никогда душой высокой

Глухую непреклонность рока
О примиреньи не молилъ?
Но посмотрите, какъ съ Востока
Завѣса палевыхъ, свинцовыхъ облаковъ
Свернулась, движется, сбѣгаетъ....
И чтожь?... За нею міръ духовъ
Изъ перловъ созданный мелькаетъ!
Я вижу зданія янтарныхъ городовъ,
Покрытыхъ тонкими изъ снѣга кружевами;
Тамъ сфинксы дивные, тамъ странныхъ ликовъ рядъ;
Изпда, Озирисъ, живой хрустальный садъ
Въ туманѣ розовомъ сліялись съ небесами!
Но ты, святой Эльбрусъ (*), ты, будто конь сѣдой,
На коемъ смерть предстанетъ міру (**),
Къ свѣтилу вѣчному, къ далекому эѳиру
Вознесся снѣжною главой,
Ровесникъ міра величавый!
Какой орелъ взлетѣлъ на твой вѣнецъ двуглавый (**)!
Всемірный океанъ тебя не поглотилъ:
Твой верхъ, какъ мавзолей надменной,
Бѣлѣлъ надъ влажною могилою вселенной,

(*) Черкесы называютъ Эльборусъ *Уах-Гамако*, то есть: гора *святая*, чудесная.

(**) См. Апокалипсисъ. — Клапротъ справедливо замѣчаетъ, что двуглавая вершина Эльборуса имѣетъ видъ сѣдла; я прибавлю: Черкесскаго.

(***) По наблюденіямъ Г. Вишневскаго, Эльборусъ вышиною 16,000 футовъ. «Никто не всходилъ на «вершину горы сей; жители Кавказа полагаютъ, «что для сего нужно особенное соизволеніе Божіе. *Клапротъ*).

И первый пристанью любимцу неба былъ (*)!
Ты видѣлъ, какъ на міръ тотъ ураганъ могучій
Своихъ несмѣтныхъ силъ мчалъ громовыя тучи (**);
Ты слышалъ вой ихъ стрѣлъ, ихъ бурной керны
гласъ... (***)
Но страшный метеоръ угасъ,
И силы грознаго — дымъ пепла, прахъ летучій!
О вы, которыхъ всѣ мечты
Къ землѣ продажною прикованы душою,

(*) Горскіе народы говорятъ, что Ковчегъ остановился сначала на вершинѣ Эльборуса и уже послѣ того отплылъ къ Арарату (*Ibid.*).

(**) Тамерланъ.—«Когда властитель судьбы и правитель міра рѣшилъ въ высокой волѣ своей прекратить войну въ странѣ Русскихъ и Черкесовъ, онъ обратилъ побѣдоносныя фаланги и знамена свои къ горѣ *Алъбрузу*. Знамена завоевателя странъ направились съ признакомъ побѣды противъ *Юри, Бердыя* и *Ярахеца*, начальниковъ племени *Асовъ* (Осетинцевъ). Дорога была непроходима, но онъ повелѣлъ очистить ее и оставя тамъ *Амира Гаджи-Селифъ-Эддина* съ обозами, понесъ войну къ горѣ *Альбрузу*, сражаясь безпрестанно съ невѣрными, и въ горныхъ твердыняхъ ихъ и въ ихъ неприступныхъ ущеліяхъ.» — *Исторія Тимура*, соч. Шерифъ Эддина Езды; Персидская рукопись (*См. Voyage au Caucase etc. par M. Jules Claproth, T. II. p.* 230 *et suiv*).

(***) *Керна*, родъ военной трубы; она была въ большомъ употребленіи въ войскахъ Тамерлановыхъ; говорятъ, что звукъ ея дѣйствительно ужасенъ и слышенъ въ разстояніи многихъ миль (*Ричардсонъ*. См. также поэму *Дивъ и Пери* Г. *Подолинскаго*.

Рабы ничтожной суеты,
Придите съ дикою громадъ сихъ красотою
Кумиръ души своей сравнить!
Но нѣтъ! Пигмеямъ-ли о мѣлкихъ ихъ забошахъ,
О ихъ тщеславіи, о хладныхъ ихъ разсчетахъ,
Съ престолами громовъ небесныхъ говорить!
Сшепей обширною темницей упомленный,
Какъ радостно, отчизна горъ,
Мой на тебя открылся взоръ!
Восторженный, обвороженный
Красой твоихъ пустынныхъ скалъ,
Какъ часто въ дикіе дедалы
Я на залетномъ ихъ питомцѣ проникалъ!
Какъ часто пировать въ порфировыя залы
Чадъ Эпикуровыхъ сбиралася семья!
Но вы ужь скрылися, счастливые друзья,
Какъ это солнце золотое,
Какъ это небо голубое,
Какъ эта теплая Кавказская весна!
Какъ ты мертва теперь, пустынная страна,
Какъ молчалива ты!... Лишь вѣтръ въ ущельяхъ мшистыхъ
Трепещетъ, и съ вершинъ кремнистыхъ,
Отъ скалъ отторженный гранитъ
Въ глухія пропасти катитъ....

В. Тепляковъ.

1 Сентября 1828 года.
Кавказск. минер. воды.

Эпиграмма.

Какого Богъ мнѣ далъ сосѣда, господа!
Какъ тихъ, какъ скроменъ онъ всегда!..
А чтобы описать понятно
Вамъ всѣ ума его черты:
Мнѣ съ нимъ, какъ съ книгою пріятно,
Въ которой — бѣлые листы.

МѢШОКЪ СЪ ЗОЛОТОМЪ.

(Окончаніе).

Я увѣренъ, что въ будущее время Энциклопедія увеличится многими томами противъ нынѣшней. Кромѣ того, что извѣстныя нынѣ знанія и науки будутъ раздвинуты, усовершенствованы, думаю, явится много наукъ и знаній *совсѣмъ новыхъ*, о которыхъ мы и не слыхивали. И какъ не подумать этого послѣ Галлева *Голово-шишко-словія* (такъ одинъ Московскій профессоръ переводилъ мудреное названіе Галлевой науки) и послѣ *Животнаго магнетизма*? Нисколько не сомнѣваюсь, что современемъ люди сдѣлаютъ науку изъ *Физіогномики*, и мечты добраго Лафатера не будутъ мечтами. Изъ всѣхъ наклонностей человѣка ни однѣ не выказываются такъ явно у всякаго, какъ

три слѣдующія: наклонность лечить; наклонность угадывать людей по лицу; наклонность слушать разсказы о чудесахъ. Отъ первой уже переморили довольно народа, и хотя никто нынѣ не вѣритъ лекарямъ, но кто изъ насъ не скажетъ другому какого нибудь лекарства, только упомяни о болѣзни? Люди лечатъ теперь душу, тѣло, карманы, государства: все неудачно, все не такъ, и все не отказываются лечить и быть лечимыми. Отъ наклонности къ чудесамъ не исцѣлились люди ее тысячь-лѣтнимъ опытомъ, и съ того времени, какъ Адамъ былъ обманутъ обѣщаніемъ чудесъ донынѣ, чудеса—вѣрнѣйшая уда, на которую поймаете каждаго Адамова внука и каждую Еввину внучку. Я хотѣлъ поговорить только о *физіогномикѣ*, и—виноватъ! заговорилъ о другомъ! Вотъ въ чемъ дѣло: если физіогномика будетъ когда нибудь усовершенствована, то она принесетъ много добра. По глазамъ, рту, носу, бровямъ, щекамъ люди станутъ узнавать другъ друга, лучше всякаго зеркала. Физіогномика прорубитъ окошечко въ душу каждаго человѣка, и изъяснитъ, отъ чего, на примѣръ, желтая, пухлая, кислая рожа, мышьи глаза, опущенныя губы — признаки человѣка сварливаго, злаго, ненавистника всему доброму; отъ чего другое лицо.... но я боюсь высчитывать здѣсь различныя лица. Иное можетъ оскорбить случайнымъ сходствомъ какую нибудь рожу, дышущую на бѣломъ

свѣтѣ. Пусть дышетъ она безопасно, пока еще не усовершенствована физіогномика; но, будетъ время, худое для многихъ, и, можетъ быть, физіогномика распространитъ свои замѣчанія весьма далеко: сообразивъ множество лицъ и рожъ (эти два слова чистыя синонимы въ Русскомъ языкѣ), она дастъ свои понятія о цѣлыхъ народахъ; изъ нихъ извлечетъ физіогномію областей, городовъ и, можетъ быть, въ географіяхъ будутъ современемъ писать физіогноміи городовъ на ряду съ числомъ жителей, промышленностью, ученостью города.

Что̀ если-бы теперь можно было сдѣлать это, не откладывая вдаль, и вотъ, кстати, когда герой нашего разсказа явился въ Москву, къ *лицу безъ образа* нашей старушки приложить физіогномическій циркуль и представить ее въ вѣрномъ портретѣ? Тогда легче-бы мнѣ было описывать, и что̀ впрѣтилъ Ванюша въ Москвѣ, и какія впечатлѣнія врѣзывались въ душу его, по мѣрѣ того, какъ онъ смотрѣлъ и разсматривалъ Москву.

Добрая Москва! я люблю тебя искренно и, кажется, кости мои будутъ плѣсть на одномъ изъ мирныхъ кладбищъ твоихъ. Твое имя дорого моему сердцу; твои башни, твои золотыя маковки лелѣяли мои юношескія надежды, когда еще въ дремучихъ лѣсахъ Сибири я зналъ тебя

только по имени, по разсказамъ бывалыхъ людей; я живо помню, съ какимъ восторгомъ приближался я къ тебѣ, съ какою грустью бродилъ послѣ по твоимъ развалинамъ, съ какою радостью видѣлъ обновляемыя твои стѣны, храмы, башни и громадныя зданія. Не сердись-же, если такъ давно, искренно любя, я осмѣлюсь говорить о тебѣ правду. Твои недостатки наши, а объ себѣ почему не сказать?

Москва городъ большой и единственный, который только на Руси можетъ существовать: широкій, длинный, неправильный, городъ, который строили семь вѣковъ, въ которомъ отъ каждаго вѣка что нибудь осталось, смѣшалось, измѣнилось, но не истребилось, и все вмѣстѣ похоже на жилище богатаго Русскаго помѣщика нашего времени. Войдите въ жилище этого помѣщика: тутъ Европа и Азія, всѣ языки, всѣ страны, всѣ вѣка; на чердакахъ гнѣздятся гувернёръ Французъ, дядька Нѣмецъ, нянька Англичанка; въ передней ливреи прошлаго вѣка и жокейскія курточки нынѣшняго; въ буфетахъ Саксонскій фарфоръ, Русскіе старинные серебряные кубки и Китайскія куклы; въ гостиной говорятъ по Французски, въ залѣ поютъ по Итальянски, въ кабинетѣ горюютъ по Русски. Такъ и въ Москвѣ есть все: старое и новое, родное и чужое, Европейское и Азіятское, великое и смѣшное. Громадныхъ домовъ множество и всѣ

они разбросаны; улицы огромныя и всѣ кривыя. Вотъ старое вѣковое зданіе; подлѣ палаты вельможи прошлаго вѣка; далѣе новый каменный домикъ, съ Итальянскимъ мезониномъ, отъ котораго гніетъ кровля и въ цѣломъ домѣ холодно; тамъ садъ; потомъ огромный казенный домъ; далѣе пустырь и Греческая табачная лавка; еще палаты; тутъ обгорѣлый при Французахъ домъ, хлѣбныя лавки, Французскія моды, бульваръ, церковь. Окрестности Московскія прелестны, но вы едва пройдете по дорогамъ отъ грязи, и отъ того, что въ одномъ мѣстѣ мостъ сгнилъ, а пока дѣлаютъ новый каменный великолѣпный мостъ, положены черезъ ручекъ бревны, по которымъ и Кіарини подумаетъ, какъ перейдти; тамъ песокъ, тутъ ручей, черезъ который нѣтъ перевоза. За то полюбуйтесь Москвою издали; посмотрите на толпы народа; поглядите на нестроту, движеніе; прислушайтесь къ стуку, колокольному звону, шуму, говору; взгляните на Кремль, на Красную площадь, и—вы согласитесь, что Москва точная Русь: нашъ Русскій духъ, наши недостатки и добродѣтели, Русское худо и добро, огромность и слабость, какъ будто живыми словами вырѣзаны на берегахъ Москвы и Яузы.

Такова Москва; но что-же Ванюша могъ найдти въ Москвѣ, увидѣть, узнать? Не знаю, что найдетъ, но увидѣлъ и узналъ онъ многое. Рано

въѣзжая въ Москву, онъ изумился, какъ тихъ, спокоенъ этотъ необозримый городъ: ни души по улицамъ, кромѣ дворниковъ, булочниковъ, бубочниковъ; ставни оконъ заперты, все спитъ: только не спала молитва благочестивыхъ людей; церкви, мимо которыхъ ѣхала тѣлега нашихъ странствователей, были отворены: сквозь двери ихъ мелькали свѣчи передъ иконами и слышалось священное пѣніе. Долго изъ улицы въ улицу поворачивалъ сопутникъ Ванюши. Вотъ, миновались огромныя зданія, начались домишки, хуже, хуже, и Ванюша доѣхалъ почти вплоть до другой заставы. Тѣлега остановилась передъ старымъ деревяннымъ домомъ; сопутникъ Ванюши всталъ, снялъ шляпу, помолился и началъ отворять ворота: открылся длинный, грязный дворъ, съ обѣихъ боковъ и съ задней стороны обставленный высокими навѣсами на столбахъ. Множество лошадей стояло у колодъ, множество саней, дрожекъ, нѣсколько каретъ было подъ навѣсами. Грустно посмотрѣлъ Ванюша вокругъ и заглянулъ во дворъ. Ахъ! Москва издалека такъ хорошо бѣлѣла, свѣтлѣла, горѣла первыми лучами солнца, такъ изумляла его своими домами, храмами... Надобно-же ему было проѣхать всю Москву, и для чего? Чтобы на краю Москвы найдти грязный, бѣдный пріютъ! Неужели это Москва? спрашивалъ Ванюша, смотря вокругъ на бѣдныя лавочки, народъ засаленный и дурно

одѣтый. Застава передъ глазами казалась дурнымъ предзнаменованіемъ Ванюшѣ; изъ за нея, какъ будто шепталъ ему голосъ: «За чѣмъ ты пожаловалъ сюда, незванный гость? Въ однѣ двери ты въѣхалъ, вонъ другія: изволь выѣзжать! И безъ тебя тѣсно въ Москвѣ, и безъ тебя довольно искателей счастья гранитъ Московскую мостовую ногами и колесами!»

Какое-то унылое чувство ощущаетъ человѣкъ, вырванный изъ мирнаго уголка и брошенный въ море большаго города, особливо пестрой Москвы. Не зная еще ея, онъ составляетъ себѣ понятіе по своему; видитъ ее, перемѣшиваетъ свое понятіе съ видимымъ; обширность давитъ его воображеніе; сближеніе крайностей—обыкновенная участь большихъ городовъ—изумляетъ его взоры, и первое чувство послѣ того унылость, отчужденіе отъ новаго мѣстопребыванія, воспоминаніе о старомъ, знакомомъ уголкѣ, гдѣ каждая травка, какъ будто родная, каждый человѣкъ знакомъ съ дѣтства, и солнце свѣтитъ веселѣе и хлѣбъ слаще! Тутъ жестоко страдаетъ и самолюбіе человѣческое, когда пришлецъ видитъ себя для всѣхъ чуждымъ. Нѣтъ ему ни слова, ни привѣта: онъ одинъ, одинъ, и—*чувствуетъ* это одиночество; *не для него* все живетъ и движется вокругъ; всякій занятъ своимъ, спѣшитъ, идетъ мимо пришлеца, его никто не знаетъ, когда прежде упромъ всякъ

ло его ласковое слово роднаго, на каждомъ шагу привѣтъ знакомаго!

Такія чувства испытываетъ всякій, кромѣ знатныхъ и богачей, которые изъ палатъ своихъ переѣзжаютъ въ палаты Московскія, для которыхъ вездѣ и все равно: въ Москвѣ, въ Парижѣ, въ Россіи, въ Америкѣ. Послѣ, со временемъ, если существенность не бѣдна, призраки прошедшаго спираются въ памяти. Шумъ, блескъ выгоняютъ изъ души мысль о родинѣ, о былomъ: пришлецъ едва помнитъ ихъ, какъ милые младенческіе годы. Но хорошо, у кого не бѣдна настоящая существенность, хорошо, если человѣкъ умѣетъ хотя разцвѣчивать ее яркими красками!

Бѣдный Ванюша не былъ любимцомъ воображенія: оно играло у него немногими грубыми цвѣтами, а что окружало его, то не могло упѣшить, приласкать надеждою, согрѣть дыханіемъ радости. Уже онъ готовъ былъ раскаяваться, что поѣхалъ въ Москву, уже спутникъ его, который черезъ два дня долженъ былъ снова увидѣть зеленые луга родины, казался Ванюшѣ счастливцомъ, а самъ себѣ Ванюша показался выброшеннымъ зимнею вьюгою на придорожный сугробъ, когда въ полѣ вьетъ снѣгъ и вѣтеръ воетъ въ далекомъ бору. «Гдѣ найдти мнѣ здѣсь счастье свое!» сказалъ онъ самъ себѣ. «Но, развѣ ты *здѣсь* ищешь своего счастья?» приба-

вилъ онъ. «Тебѣ надобно денегъ, денегъ, денегъ, и ихъ ты достанешь. Такъ! вѣщій сонъ мой сбудется. Пойдемъ къ дядѣ Парфену.»

Вѣщій сонъ видѣлъ Ванюша, заснувши въ телегѣ, передъ самою Москвою. Ему показалось, что онъ идетъ въ какомъ-то городѣ, у котораго посрединѣ одной улицы помѣстилось-бы полъ-деревни ихъ. И вотъ передъ нимъ безконечная площадь, домы, лавки, церкви, какая-то красная башня и множество народа. Среди этого народа бродилъ Ванюша; вдругъ старичекъ, сѣдой, добрый, подходитъ къ нему и говоритъ: «Знаю чего ты ищешь: молись Святому Спасу.» Три земные поклона положилъ Ванюша передъ красною башнею, на которой была икона Спаса, и старичекъ повелъ его по широкой улицѣ... Тутъ сонъ Ванюши смѣшался: ему видѣлись золото, серебро, луга, поля родины и—Груня. Онъ помнилъ только, что Груня обняла его, и съ ея поцѣлуемъ разлетѣлся сонъ.

По грязному двору, котораго и осенній холодъ не могъ заморозить, Ванюша вошелъ въ обширную хоромину. Тутъ безконечныя палати, печь, грязь, куча народа, множество конской сбруи вдругъ бросились ему въ глаза. За длиннымъ столомъ сидѣло и стояло множество народа и хлѣбало щи изъ чашки, величиною съ полъушата; другіе одѣвались; иной молился, другой

пѣлъ, третій передъ завтракомъ прогонялъ остатки сна стаканомъ пѣнника: точная ярмарка! Это все были будущіе товарищи Ванюши, извощики рессорные, *калиберные*, каретные, ломовые. Въ свѣтелкѣ, рядомъ съ этою ярмаркою, Ванюша нашелъ дядю Парфентья. Старикъ, бородатый, плѣшивый, красный, въ красной рубахѣ и старомъ Нѣмецкомъ камзолѣ, съ разломанными счетами въ рукѣ и съ мѣломъ въ другой: такимъ явился дядюшка Ванюши. Онъ счищалъ тогда на стѣнѣ мѣловые значки, разсчитываясь съ извощикомъ и доказывая ему, что три мѣрки овса слѣдуетъ прибавить къ замѣченнымъ на нарѣзкѣ.

«Дядя Парфенъ здорово,» робко проговорилъ Ванюша.

— Кто тамъ? Что ты? сказалъ Парфентій хмурясь, какой дяда?

«Я братъ Осипа Ѳедосеева.»

— Будто ты? Видишь, худое-то дерево какъ тянется! Будто ты Ванюшка Ѳедосеевъ?

Начался бѣглый разговоръ, безпрестанно перерываемой приходомъ и уходомъ извощиковъ, спросами жены, крикомъ дѣтей, которыхъ Парфенъ ошечески унималъ за вихоръ. Ванюша объяснилъ Парфентію все дѣло.

«Охъ, вы голь!» воскликнулъ Парфенъ. «Вѣдь несетъ-же васъ нелегкая въ Москву? И безъ того вашей братьи здѣсь биткомъ набито! Въ ны-

нѣшнее-ли время зашибишь копѣйку, когда ужь тутъ на обухѣ рожь молотишь, а часто приходится локти грызть!»

— Дядюшка, я тебѣ въ накладъ не буду; за хлѣбъ за соль возьми, а на кормъ я ужь вѣрно добуду...

«Добудешь ноги, на чемъ бѣжать! Дядюшка пиши должокъ на стѣнку, а примись-ка послѣ за тебя, такъ бабьяго вою не оберешься.»

Плохое было привѣтствіе на первый разъ, и диво-ли, что Ванюша, послѣ такого разговора съ дядею Парфеніемъ, вышелъ за ворота печаленъ, со слезами на глазахъ.

«Добрый молодецъ! Спасу Христову на свѣчку; Богъ благословитъ тебя!» проговорилъ ему кто-то.

Ванюша вздрогнулъ и оглянулся. Передъ нимъ стоялъ сѣдой старикъ, съ кружкою, въ которую собиралъ онъ на свѣчу къ церкви Спаса.

Какъ этотъ нечаянный случай обрадовалъ Ванюшу! Съ какою радостію вынялъ онъ цѣлую гривну и положилъ старику, съ какимъ восторгомъ слушалъ благословеніе старика!

И дядя Парфеній не всегда бывалъ сердитъ, не всегда каркалъ, будто зловѣщій воронъ. Вечеромъ, на досугѣ, онъ разговорился съ Ванюшею о родинѣ, о Ѳедосѣ, о дѣлахъ Ванюши, счи-

шалъ, пересчитывалъ, выспрашивалъ у Ванюши, и заключилъ привѣтствіемъ: «Ну, ты малый, кажись, добрый! Смотри: не пей, не дерись, будь услужливъ, да уважай дядю. Ремесло, за которое ты принимаешься, таково, что безъ гибкой спины, о которую палка хожалаго не ломается, ничего не добудешь. Нынче вѣдь и не нашъ брашъ беретъ только поклономъ, а намъ не уже-ли умнѣе бояръ быть!«

И вотъ Ванюшу повели въ Частный Домъ, потомъ еще и еще куда-то; подьячіе писали, брали съ него на водку, на калачи, и когда выпалъ первый снѣгъ, Ванюша на своей лошадкѣ, въ плохихъ пошевняхъ, съ мѣднымъ значкомъ на спинѣ, на которомъ выбито было названіе части города, спалъ на ближнюю биржу, и сдѣлался членомъ республики Московскихъ *волочковъ и ванюшекъ*.

Въ самомъ дѣлѣ, если не льзя назвать республикою, то можно уподобить цѣлому гражданскому обществу міръ извощиковъ. Странное животное человѣкъ: онъ все разнообразитъ, ладитъ по своему, такъ, что куда ни брось его, вездѣ отъ него раздвигается кругъ, какъ будто отъ камня, кинутаго въ воду. Эти круги спалкиваются, сбиваютъ другъ друга, и составляютъ что-то свое, особенное, въ чемъ, какъ-бы ни мало

ныхъ рукъ, былъ еще любимцемъ тетки, жены дяди Парфентья. Новая бѣда: дядя Парфентій былъ ревнивъ, какъ Турокъ, и красивое лицо Ванюши, ласковая, тихая рѣчь, услужливость его, не нравились Парфентью. «Да вѣдь ты самъ велѣлъ мнѣ угождать другимъ?» говорилъ ему Ванюша.—Мнѣ, а не бабамъ, угождать товарищамъ да власти, а ты съ товарищами не ладишь и власти въ усъ не дуешь. Вчера хожалый Ѳома шелъ еле-живъ сыръ; ты ѣхалъ мимо, и не хотѣлъ довезти его до будки, а какъ тетка кличетъ пособлять, такъ Ванюша сломя голову бѣжитъ. Смотри, пріятель!—

Но можетъ быть ловкость, честность, умъ Ванюши награждали его за всѣ неудовольствія барышами? Ванюша и самъ надѣялся на это. Онъ скоро узналъ Москву, ея крюки, извилины, безчисленныя церкви и безконечные переулки. Онъ тотчасъ замѣтилъ, что если стать въ Китаѣ, протянуть и сложить обѣ руки, то десять пальцовъ на рукахъ, считая отъ Варварскихъ до Боровицкихъ воротъ, будутъ указателями главныхъ улицъ: Варварки съ Солянкой, Ильинки съ Покровкой, Мясницкой, Лубянки съ Срѣтенкой, Петровки, Дмитровки, Никитской съ Кудринымъ, Вздвиженки съ Поварскою, Знаменки съ Арбатомъ и Лѣнивки съ Пречистенкой и Остоженкой; что поперегъ перерѣзываютъ всѣ сіи улицы валы Бѣлаго и Земляного города, означенны бульварами, копо-

рые начавшись отъ одного мѣста на берегу Москвы рѣки, примыкаютъ къ другому и описываютъ два полукруга. Накинувъ такую геометрическую сѣтку, Ванюшѣ легко было разсчитать всѣ мѣста, и вы видите, что смысла у него доставало на все. Черезъ два мѣсяца его не запрудняли ни *Путинки*, ни *Крапивки*, ни *Чигасы*, ни *Болвановка*, ни *Яндовы*, ни *Драчи*, ни *Листы:* вездѣ, какъ по писанному ѣздилъ Ванюша. Но его тощая лошадка, бѣдная одежда, плохія пошевенки не казались признаками ловкости; у него не было безстыдства хвалиться, перебивать у другихъ, перекрикивать другаго, когда на голосъ: *извощикъ!* будто ястребы кидались отвсюду его товарищи. Ахъ! какъ много выигрываютъ на бѣломъ свѣтѣ мѣдный лобъ и ловкій языкъ, въ передней вельможи и ... на биржѣ Московскихъ волочковъ! Съ грустью видалъ Ванюша, что люди садились на сани хуже его, только за то, что извощикъ умѣлъ увѣрить, будто онѣ лучше; торжественно катили съ ѣздоками товарищи, а Ванюша, повѣся носъ, оставался на мѣстѣ и постегивалъ хлыстикомъ по снѣгу. Но если и удавалось Ванюшѣ поймать добычу, онъ изумлялся, что за народъ такой горожане: прихотливый, сварливый и скупой не скупой, а Богъ знаетъ, какъ назвать. Богачъ въ глазахъ его бросалъ деньги за вздоръ, а когда доходило до наемки санокъ, торговался за копѣйку, какъ будто за сокрови-

ще, и Боже сохрани, если не доставало сдачи хоть двухъ грошей! Ванюша привезъ однажды изъ Охотнаго ряда какого-то толстяка, который купилъ шамъ пять фунтовъ пѣтушьихъ гребешковъ и—за *гривну* оставилъ въ закладѣ рукавицу Ванюши, не боясь, что бѣдняжка отморозитъ руку, пока выработаетъ сдачу!

Считая и пересчитывая, Ванюша думалъ, что къ веснѣ все останется однакожъ у него что-нибудь. Уже прощался онъ съ Москвою, хотѣлъ навсегда разстаться съ ея великолѣпіемъ, богатствомъ, щедростью и—нѣчего дѣлать—отказаться отъ мечты своей! Золотые сны его разлетѣлись и горе давило сердце. Но какъ изумился онъ, когда, увидѣвъ невозможность ѣздить по Москвѣ на саняхъ, пришелъ къ дядѣ Парфентью, и сталъ просить разсчета, и когда тотъ, принявшись за свои счеты и мѣлъ, объявилъ его въ *долгу!* Бѣдный Ванюша! Онъ не смѣлъ съѣсть крупичатаго калача, ни разу не лакомился грушами и клюковнымъ квасомъ, а вычетъ на вычетъ, съ пословицею: *деньга счетъ любитъ*, Парфентій объявилъ, что не выпуститъ его изъ Москвы, и, взявъ всю заработку, требовалъ остальныхъ денегъ. Ванюша обѣщалъ прислать, просилъ уступить; тетка вздумала защищать его; неумолимый дядя Парфентій вспыхнулъ, затопалъ ногами, выкинулъ

сотню браней. Что̀ оставалось дѣлать Ванюшѣ? Онъ остался *заработывать долгъ*.

Уже снѣгъ по Московскимъ улицамъ превращался въ грязь, уже зимняя насыпка ихъ была вырублена и лежала въ огромныхъ кучахъ, когда Ванюша перепрягъ лошадь свою изъ саней въ волочокъ и печально выѣхалъ изъ воротъ Парфентьева дома. Не съ кѣмъ ему было даже и погрустить. Теперь, когда́ кончится его работа, что̀ подумаетъ отецъ, что̀ скажетъ Груня, и гдѣ она? Свѣтлое небо Московское казалось Ванюшѣ туманно, и онъ прежде всего отправился туда, отколе каждый день начиналъ свое странствованіе: къ *Спасскимъ воротамъ*.

Я уже говорилъ вамъ о вѣщемъ снѣ Ванюши, но не досказалъ самаго удивительнаго. Когда въ первый разъ пришелъ Ванюша къ Лобному мѣсту, онъ невольно изумился и остановился съ благоговѣніемъ. Вспомнилъ-ли онъ великія событія, пролетѣвшія по этому святому мѣсту: казни Грознаго, торжество Самозванца, парады Наполеона, воздвиженіе памятника Минину и Пожарскому рукою побѣдоноснаго Царя, отъ имени благодарнаго Отечества? Нѣтъ! Ванюша не зналъ Исторіи. Изумили-ль его благоговѣніе, съ какимъ каждый проходящій снимаетъ шляпу и шапку, и преклоняется предъ святыми Спасскими воротами, диковинная церковь Василія Блаженнаго, видъ Царскаго терема, обширныхъ рядовъ, извая-

ніе спасителей отечества? Изумили; но онъ даже испугался, когда взглянувъ на Спасскія ворота, узналъ ту *красную башню*, которая видѣлась ему во снѣ, площадь, многолюдство, и всѣ предметы! Только не было благодѣтельнаго старика. И въ душѣ пришлеца возрасла пылкая молитва благодарной надежды, укрѣпилась мысль, что въ Москвѣ точно найдетъ онъ свое счастье. Послѣ сего каждый день начиналъ онъ тремя земными поклонами у Спасскихъ воротъ. И теперь туда пріѣхалъ онъ, помолился, и поѣхалъ возить добрыхъ людей.

День за днемъ летѣлъ; настало лѣто. По Московскимъ улицамъ поднималась лѣтняя примѣта: пыль; бульварные клочки дерну и деревцы на подпоркахъ покрывались бѣдною зеленью. Москвичи выѣзжали дышать чистымъ воздухомъ въ болотахъ Кускова, Коссина, Останькова, наслаждаться деревенскою жизнью подлѣ трактира въ Марьиной рощѣ, въ огородахъ Сокольниковъ, и наслаждаться природою въ скучномъ Нескучномъ. Душною тюрьмою казалась тогда Ванюшѣ Москва, гдѣ отъ каменныхъ домовъ и мостовыхъ было жарко, какъ въ натопленной печи, особливо ему, всегда жившему на волѣ, въ поляхъ и рощахъ, будто птичка поднебесная. Въ Москву и добрая птичка, казалось, не смѣла залетать: только слышалъ онъ чириканье воробьевъ, видѣлъ стада грачей, воронъ и коршуновъ.

Вотъ однажды пріѣхалъ Ванюша, раннимъ утромъ, къ Лобному мѣсту. Тамъ не было еще ни одной души. И самъ Ванюша дивился, что̀ такъ рано подняло его съ мягкаго сѣна. Тихо повернулъ онъ свою лошадку и поѣхалъ по Ильинкѣ, безпечно глядя на забранные ряды, изъ которыхъ еще ни одинъ сторожъ не выглядывалъ. Вдругъ лошадь его на что-то наступила, что-то заборонило подъ колесами. Ванюша смотритъ, и видитъ на мостовой, среди улицы, кожаный мѣшокъ, небольшой, чѣмъ-то туго набитый. «Находка!» сказалъ Ванюша, соскочивъ съ волочка, схватилъ мѣшокъ... тяжесть необыкновенная!... Что это такое? Онъ оглядывается во всѣ стороны: нигдѣ нѣтъ слѣда человѣческаго. Я не знаю, что̀ думалъ тогда Ванюша. Онъ поспѣшно положилъ находку передъ собою, самъ не зная для чего, повернулъ лошадь назадъ, погналъ скорѣе, скорѣе, хотѣлъ остановиться, посмотрѣть, дрожалъ, радовался, боялся встрѣчи и, между тѣмъ, погонялъ лошадь далѣе, далѣе...

Вотъ онъ за Тверскою заставою. Тогда еще не было тамъ высокаго, гладкаго Петербургскаго шоссе; дорога шла песками между сосновымъ лѣсомъ съ лѣвой, и полемъ и огородами къ Бутыркамъ съ правой стороны, гдѣ теперь разводятъ садъ, до самаго Петровскаго Дворца. Ванюша свернулъ въ лѣвую сторону, въ лѣсъ, оглянулся: никого и ничего не видно, кромѣ деревь-

евъ. Тутъ онъ снялъ свою находку, и думалъ, держа ее въ рукахъ: «Что̀ шутъ? Ну! если все это мѣдныя деньги? Богъ мнѣ послалъ такое добро; я расплачусь съ дядей Парфеномъ, и мигомъ въ деревню! О, если-бы далъ Богъ!...» И онъ поспѣшно развязываетъ мѣшокъ, смотритъ... не вѣритъ глазамъ, спановитъ мѣшокъ къ дереву, протираетъ глаза, крестится... беретъ за мѣшокъ снова... Такъ! онъ не ошибся: мѣшокъ полнехонекъ золота!...

«*Мѣшокъ съ золотомъ!*» вскричалъ Ванюша, и самъ испугался своего голоса, раздавшагося въ лѣсу. Онъ схватилъ мѣшокъ, бросился далѣе, въ чащу лѣса, и тогда только остановился, когда дорожка совсѣмъ пропала и идти было не куда.

Ванюша! добрый Ванюша! Не уже-ли и тебя, едва прикоснулся ты къ прокляпому золоту, демонъ корыстолюбія уже схватилъ своими когтями? Куда ты бѣжишь? Если это *не твое*, гдѣ скроется хищникъ чужаго? Если *твое*, за чѣмъ прячешься въ темноту лѣса: иди на бѣлый свѣтъ, передъ добрыхъ людей! Только воръ и разбойникъ мѣняютъ жилье между православными на гнѣздо совы, когда руки ихъ тяжелѣютъ золотомъ, вспрыснутымъ кровью брапьевъ...

Но Ванюша самъ не могъ-бы тогда сказать, что̀ съ нимъ дѣлалось. Не корыстолюбіе овладѣ-

ло имъ: въ его душу, юную, не привыкшую къ страстямъ, не могла вдругъ поселиться страсть гибельная, задушающая всѣхъ своихъ сестеръ: она, или вползаетъ въ душу устарѣлую, изношенную уже другими страстями, или бываетъ слѣдствіемъ привычки съ младенческихъ ногтей, привычки глядѣть на золото, видѣть его въ грудахъ и сундукахъ, когда голосъ опытнаго корыстолюбца нашептываетъ юному наслѣднику о неизъяснимомъ наслажденіи сидѣть подлѣ сундуковъ, и думать, смотря на золото: *оно мое!* Нѣтъ! Ванюша, который, какъ благополучія ждалъ мѣшка мѣдныхъ денегъ, увидѣвъ мѣшокъ золота, сдѣлался на нѣсколько времени безмолвенъ, безчувственъ, думалъ, что видитъ все это во снѣ, ощупывалъ себя, землю, деревья, глядѣлъ на небо, и прикасался къ дорогому мѣшку тихо, осторожно, какъ будто боясь, что онъ обожжетъ его, какъ будто страшась, что онъ разлетится дымомъ въ рукахъ. Щеки его горѣли, глаза сверкали, и между тѣмъ ему казались темно, неявственно всѣ предметы; жаръ палилъ языкъ его: Ванюша съ жадностію срывалъ травку, еще не обсохшую отъ утренней росы, и сосалъ съ нея росу.

«Что-жъ это такое?» спросилъ онъ наконецъ самъ себя, сѣлъ на землю, вынулъ изъ мѣшка одну монету, другую, третью; все полуимперіялы, имперіялы. Ванюша едва могъ увѣрить се-

бя, что каждый изъ нихъ стоитъ по 20 и по 40 рублей. Онъ думалъ, сколько ихъ пойдетъ въ сотню, въ тысячу рублей, считалъ пятками полуимперіяловъ и насчиталъ десять пятковъ. «*Тысяча!*» воскликнулъ онъ съ радостнымъ воплемъ, и тотчасъ новая мысль блеснула въ его головѣ. Тысяча рублей, отсчитанная Ванюшею, какъ будто и не уменьшила нисколько мѣшка: онъ казалось, непочатымъ. «Да сколько-же въ тебѣ всего?» закричалъ Ванюша, какъ будто бездушный мѣшокъ могъ понимать слова его. «Сосчитаю!» вскричалъ громко Ванюша. Онъ поспѣшно сбросилъ съ себя кафтанъ, разостлалъ его на травѣ, схватилъ мѣшокъ и разомъ высыпалъ на кафтанъ все золото: желтые, блестящіе кружечки грянули звонко, покатились, упали въ груду, и лучи солнца ярко отразились на золотѣ.

Благословлять или проклинать память твою, первый сыскавшій золото, ты, который нашелъ крупинки его въ землѣ или въ пескѣ, и прельщенный сіяніемъ кусочковъ, принесъ ихъ къ своимъ братьямъ, показалъ имъ свою находку? Думалъ-ли ты, когда въ первый разъ взоръ человѣчества въ твоемъ взорѣ былъ устремленъ на этотъ блестящій металлъ, думалъ-ли ты, что въ рукѣ твоей сѣмена гибели, ужасовъ, бѣдствій? Для чего не скрылъ ты въ глубинѣ морей своей находки, для чего не бросилъ ея, какъ страшный перстень Соломона, въ морскія хляби,

не вслушался въ смѣхъ искусителя, коимъ привѣтствовалъ онъ начало новыхъ бѣдствій бѣднаго человѣка? Кто видалъ груду золота, небрежно брошенную, кто знаетъ, какъ обольстительно играютъ лучи солнца на такой бездушной грудѣ, тотъ пойметъ дѣтскую радость неопытнаго сердца, съ какою смотритъ юноша на золото, звѣзду земную, и скорбь, съ какою глядитъ старикъ на темнѣющіе передъ нимъ лучи ея, когда ночь смерти засыпаетъ ему глаза!

Долго считалъ Ванюша, и въ это время онъ ни о чемъ не могъ думать. Такъ послѣ блеска молніи, пока раскатъ грома загрохочетъ по небесамъ и разсыплется въ отголоскахъ по землѣ, человѣкъ, не изумленъ, не испуганъ, но ничего не мыслитъ. Механически двигались руки Ванюши по золоту, но уже насчиталъ онъ тысячу, двѣ, три, пять, десять, и—въ половину, въ треть не уменьшилась куча! Еще насчитано десять: куча все еще огромна! Тутъ не достало ни силъ, ни счета, ни мѣста у Ванюши: онъ все раскладывалъ стопками, заставилъ ими весь свой кафтанъ, вдругъ смѣшалъ ихъ, сдвинулъ все снова въ одну огромную кучу, и самъ не понималъ, сколько тутъ тысячъ, *тысячъ*, когда за два, за три часа у него были въ кошелькѣ копѣйки, и тѣхъ какъ вѣрно зналъ онъ счетъ!

«*Ге! ге! гей! гей!*» раздалось вдалекѣ, и Ванюша задрожалъ, не имѣлъ силъ сойдти даже

съ мѣста, только закрылъ поспѣшно полами кафтана золото и робко прислушивался. По самой опушкѣ лѣса проходилъ гуртъ воловъ въ Петербургъ; Ванюша только теперь увидѣлъ всю свою неосторожность. Ясно различалъ онъ мычанье воловъ, лай собакъ, забѣгавшихъ близко къ нему въ чащу лѣса, хлопанье длиннаго бича и чуть слышный говоръ Малороссіянъ, проводниковъ гурта. Что̀ если увидятъ его? Гдѣ его лошадь съ волочкомъ? Что подумаютъ? Онъ поглядѣлъ на небо, и увидѣлъ, что уже былъ полдень. Время пролетѣло невидимо; Ванюша самъ не зналъ, куда дѣвалось цѣлое его утро.

Но гуртъ прошелъ мимо; все умолкло вдали, всюду тихо; только иволга уныло насвистываетъ свою пѣсню, вѣтерокъ колышетъ листочками деревъ и изрѣдка раздается голосъ кукушки. Ванюша тихо раскрылъ кафтанъ свой, собралъ въ мѣшокъ все золото по прежнему, и понесъ его къ своей лошади. Жарко дыша, смирно стояла забытая лошадь, и какъ будто дивилась, что заботливый хозяинъ оставилъ ее, не надѣвши ей на голову торбы съ овсомъ. «Ну! сивко,» сказалъ Ванюша, трепля свою лошадь, «теперь и моя и твоя работа кончилась!» Онъ положилъ мѣшокъ свой, сѣлъ, выѣхалъ изъ лѣсу и почти доѣхалъ до большой дороги.

Но тутъ Ванюша опять остановился. «Сумасшедшій! что ты дѣлаешь? куда ты ѣдешь?»

сказалъ онъ самъ себѣ. «Назадъ, назадъ, спрячь мѣшокъ и поѣзжай порожнякомъ.» Онъ поворотилъ лошадь, убѣжалъ въ лѣсъ, выбралъ мѣстечко, замѣтилъ его, палкою вырылъ ямку, положилъ въ нее мѣшокъ, забросалъ землею, хворостомъ, пошелъ, останавливался, ворочался, былъ какъ въ лихорадкѣ, и наконецъ поѣхалъ опять.

И такъ Ванюша сдѣлался обладателемъ такого богатства, котораго и сосчитать даже не умѣлъ? Спросимъ у него: счастливъ-ли онъ? Богъ вѣсть! Если счастіе оказывается тихою радостью, спокойствіемъ души, веселостью, надеждами на будущее, то золото не сдѣлало Ванюши счастливымъ. Состоянія его не льзя было назвать радостнымъ, и едва-ли спокойна душа, когда то холодный, то горячій потъ выступаетъ на лицѣ, сердце колотится, какъ будто хочетъ выскочить, во рту сухо, горько. Ни одна мысль о счастьѣ не свѣтила въ душѣ Ванюши. Къ стыду моего добраго героя, скажу, что онъ ни разу не подумалъ о Грунѣ, объ отцѣ, о селѣ своемъ. Все кипѣло, крутилось у него въ головѣ, и ничто не представлялось ему въ ясныхъ, понятныхъ образахъ.

«Я нашелъ кладъ, Богъ меня благословилъ имъ,» думалъ Ванюша. «Но кто-нибудь потерялъ эти деньги? Что если онѣ не пойдутъ мнѣ въ благословеніе, если потерявшій, можетъ быть, вкладываетъ теперь голову свою въ пепелю, и

душа его падетъ на мою душу? Но кто-жъ это знаетъ? Береги онъ лучше: что съ воза упало, то пропало; у него, вѣрно, еще осталось больше, а то онъ сталъ-бы крѣпче смотрѣть за своими деньгами. Но не укралъ-ли я этѣ деньги? Нѣтъ! Я взялъ ихъ среди бѣла дня, съ виду. Кто-же видѣлъ это, кромѣ Спасовой иконы, предъ которою я молился каждый день? Но трудовыя-ли онѣ твои? Чѣмъ ты заработалъ ихъ? Куда съ ними дѣваешься, какъ скроешь ихъ отъ людей?—Зачѣмъ скрывать?... Нѣтъ! нѣтъ! лучше скрыть: возьму два полуимперіяла, расплачусь съ дядей Парфеномъ, захвачу свой мѣшокъ и уѣду въ деревню. Тамъ — закопаю ихъ и прокляну такъ, чтобы не даровымъ достались онѣ вору и разбойнику, скую желѣзный ящикъ, складу погребъ, буду караулишь ихъ день и ночь! Но дядя Парфенъ спроситъ: откуда я взялъ два полуимперіала? Скажу: нашелъ; кто спрашиваетъ, откуда деньги берутся у человѣка! Лишь только были-бы онѣ; но если онъ подумаетъ, что я укралъ? А вотъ посмотримъ...»

«Что за чудо: видно дорога до Москвы распянулась, или я не туда поѣхалъ съ дуру,» промолвилъ Ванюша, замѣчая, что онъ ѣдетъ весьма давно. Онъ оглядѣлся: не вдалекѣ лѣсъ, гдѣ закопалъ онъ деньги; впереди застава Тверская. Ванюша и не замѣчалъ до сихъ поръ, что лошадь его распряглась, стояла на одномъ мѣстѣ

и щипала траву, а самъ онъ сидѣлъ неподвижно на волочкѣ своемъ и держалъ вожжи, не видя, что и не двигается съ мѣста.

«Съ нами крестная сила!» говорилъ Ванюша, запрягая снова лошадь. «Право мнѣ кажется, что я одурѣлъ. Уже не напущенное-ли это? не прокляпыя-ли эпѣ деньги? Съ пѣхъ поръ, какъ я нашелъ ихъ, право не вспомнюсь. Брошу ихъ, забуду: пусть гніютъ онѣ до скончанія вѣка! Нѣтъ, лучше возму и поѣду прямо въ деревню; но, нѣтъ, нѣтъ, не льзя... что̀ скажутъ обо мнѣ? Меня поймаютъ...

«Да развѣ я укралъ ихъ?» продолжалъ онъ, приближаясь къ заставѣ. «Нѣтъ!» А тайный голосъ, едва внятно, говорилъ ему другое... Казалось, что знакъ прокляпія чернѣлъ на лбу его. Всякъ, кто встрѣчался ему, былъ веселъ, пѣлъ, говорилъ; Ванюша молчалъ, краснѣлъ, блѣднѣлъ, и мысль: *онѣ не мои!* въ первый разъ такъ сильно заговорила въ душѣ Ванюши, что никакія другія мысли не могли ея пересилить. «*Онѣ не мои!*» повторялъ онъ, и ему представилось, какъ горько будетъ ему снова упасть въ прежнее свое бѣдное состояніе, ему, обладателю богатства *безсчетнаго!*

«Да не видишь что-ли ты, Ванька проклятый!» закричалъ громкій голосъ, и Ванюша

увидѣлъ, что онъ ѣдетъ по Тверской Ямской и наѣхалъ прямо на булочника, разставившаго холстинный навѣсъ надъ своими булками и калачами. Ванюша хотѣлъ взглянуть еще разъ на лѣсъ, гдѣ спряталъ онъ деньги: лѣса не было уже видно, и безъ памяти поворотилъ онъ лошадь, погналъ за заставу, къ лѣсу, бросился въ лѣсъ, къ знакомому мѣсту: все цѣло; снова пустился Ванюша къ Тверской заставѣ, и въѣхалъ въ городъ.

Уже вечерѣло. «Нѣтъ!» сказалъ Ванюша, «не оставаться имъ тутъ: мнѣ не уснуть, если не подложу ихъ подъ голову.»

«Кой чортъ этотъ Ванька разъѣздился,» сказалъ часовой, прохаживаясь передъ ружьями.

— Я ничего не укралъ! вскричалъ громко Ванюша, которому казалось, что въ голосѣ часоваго онъ слышитъ голосъ судіи.

«Этакому и воровать!» отвѣчалъ часовой, смѣючись и продолжая свою мѣрную прогулку.

Но Ванюша не смѣлъ уже возвратиться въ Тверскую заставу. Онъ вытащилъ свой мѣшокъ, завернулъ тщательно въ холстину, и далекимъ объѣздомъ въѣхалъ въ заставу Пресненскую. Была ночь, когда онъ пріѣхалъ къ дядѣ Парфентью. Безпрерывно въѣзжали во дворъ его товарищи. Голодный, утомленный, изнуренный обладатель мѣшка съ золотомъ видѣлъ во всемъ подозрѣніе, умыселъ, прислушивался къ каждому слову,

когда одинъ изъ извощиковъ спросилъ у него веревочки и хотѣлъ прикоснуться къ холстинѣ, Ванюша едва не бросился на него, какъ неистовый, едва не ухватилъ его за горло, какъ бѣшеная собака.

Сколько думалъ, сколько мучился онъ, пока успѣлъ укрыться отъ всѣхъ глазъ, схватить свое золото и спрятать въ спаромъ сараѣ, между обломками шѣлегъ, дрожекъ, саней. Тамъ, на длинныхъ шестахъ, уже давно покоились курицы, и появленіе человѣка вспугало ихъ всѣхъ; крылатые крикуны закричали, закудахтали. . . О, Ванюша готовъ былъ провалиться съ ними и съ золотомъ сквозь землю!

Несчастный! Тебя мучило оно, какъ мучитъ человѣка первое преступленіе; но еще ты не знаешь всей бездны, куда ты упалъ! Погоди: она раскроется передъ тобою, если ты гонишь отъ себя тайный, благодѣтельный голосъ совѣсти, пока еще чистой, но уже тускнѣющей подъ ядовитымъ дыханіемъ низкой слабости! Еще шагъ—и ты—погибъ: возврата не будетъ.

Дикій и мрачный вошелъ Ванюша въ избу, гдѣ собирались всѣ извощики. Онъ боялся встрѣтиться со взорами своихъ товарищей, боялся говорить, какъ будто страшась, что на его лицѣ, въ его голосѣ они прочтутъ; узнаютъ роковую его тайну.

Дядя Парфентій, каждый вечеръ отбиравшій у него деньги, не встрѣтился съ нимъ. Ванюша залѣзъ въ самый дальный уголъ палатей: ему не хотѣлось ни ѣсть, ни спать; только огромный ковшъ воды проглотилъ онъ; забылъ и лошадь свою: кто-то, добрый человѣкъ, отпрягъ ее и поставилъ къ колодѣ съ сѣномъ.

Никто не замѣтилъ положенія Ванюши; но какъ ни былъ смущенъ, разстроенъ Ванюша, онъ замѣтилъ, что всѣхъ занимало нѣчто необыкновенное: всѣ собирались въ кружки, говорили въ полголоса, чего-то ждали. Наконецъ явился дядя Парфентій, и все умолкло.

Дядя Парфентій былъ въ своей кипайчатой троеклинкѣ и въ шляпѣ; онъ только что возвратился домой, и не скидая платья сѣлъ на лавку, громко провозгласивъ: «Ну, штука!»

— Что? вскричало множество голосовъ.

Ванюша не обращалъ вниманія, но холодъ прошелъ у него по тѣлу, когда дядя Парфентій началъ разсказывать, что онъ былъ на съѣзжей, что ему тамъ объявили о важной потерѣ, и велѣли спросить у всѣхъ извощиковъ: не нашелъ-ли кто потерянаго или украденаго, не видалъ-ли, не слыхалъ-ли кто. Утромъ пропалъ у купца изъ мѣняльнаго ряда кожаный мѣшокъ, въ которомъ было 40,000 рублей золотомъ.

Общій крикъ удивленія былъ отвѣтомъ. Изво-

щики всѣ уже слышали объ этомъ, но рѣшительное, вѣрное подтвержденіе успѣло изумить ихъ всѣхъ.

«Ну! идетъ потѣха!» продолжалъ дядя Парфентій. «Во всей Москвѣ только и разговоровъ; вездѣ, въ постоялыхъ домахъ, тракширахъ, на улицахъ, смотрятъ, подслушиваютъ, спрашиваютъ. Его Превосходительство изволилъ сказать, чтобы потеря была непремѣнно сыскана.»

Тутъ пустился онъ въ объясненія, сожалѣнія, качанья бородой и головой, спросы. Никто не зналъ, не видалъ, не слыхалъ.

А гдѣ былъ тотъ, кто *одинъ* въ цѣлой Москвѣ зналъ? Онъ лежалъ неподвижно, молча; только тогда, какъ дядя Парфентій, кончивъ разговоръ, пошелъ въ каморку и началъ раздѣваться, а слушатели, забывая ужинъ, толковали, говорили, судили, судорожнымъ движеніемъ сползъ Ванюша съ палатей, едва доплелся до каморки, и спросилъ Парфентья: «Неужели, дядя Парфенъ, нигдѣ никакого слѣда не найдено?»

Если-бы дядя Парфентій не былъ совершенно занятъ новостью, то онъ замѣтилъ-бы ужасную перемѣну лица Ванюши, блѣднаго, какъ полотно, замѣтилъ-бы впадшіе его глаза, распрескавшіяся губы, и самую странность вопроса о томъ, о чемъ сей часъ только Парфентій подробно разсказывалъ. Но Парфентій радъ былъ случаю

повторить, и повторилъ все снова, тѣмъ болѣе, что къ нимъ подошли еще слушатели.

«Ну а что-же, дядя Парфенъ, будетъ тому, кто найдетъ, да утаитъ?

— Что? Обыкновенно: кнутъ и Сибирь! отвѣчалъ Парфентій.

А! Какой ужасный свѣтъ озарилъ тогда передъ Ванюшею бездну, зіявшую подъ ногами его! Онъ бросился вонъ; оглушенный, обезумѣвшій, не чувствовалъ, какъ ударился о притолку. Подъ сараемъ блестѣлъ фонарь на столбѣ; все было тихо, спокойно, и эта тишина, это спокойствіе казались гробовымъ покоемъ несчастному Ванюшѣ. «Я уже воръ, разбойникъ; уже я завладѣлъ чужимъ, уже Царево правосудіе грозитъ мнѣ казнію, уже изъ всей Москвы, гдѣ нѣтъ счета людямъ, на мнѣ наклейменъ знакъ погибели...» Онъ ходилъ подъ сараями, не замѣшилъ, какъ товарищи его отужинали, легли; все замолкло, фонарь погасъ. Теперь не корысть, не сребролюбіе терзали Ванюшу; нѣтъ; мысль: *я преступникъ*! тлѣла въ груди его, какъ трутъ, на распутіи брошенный. Гдѣ тогда были вы, помышленія о счастіи, надежды радости, которыми утѣшалъ себя нѣкогда Ванюша, и ты раскаяніе, примиритель отверженнаго съ Богомъ и добродѣтелью! Онъ не смѣлъ идти къ людямъ, не смѣлъ сказать слова, не смѣлъ подумать о будущемъ.

« Ну! будь что будетъ! » вскричалъ онъ наконецъ голосомъ отчаянія. «Господи! Я не вынесу этого: лучше смерть и мука, здѣсь и въ аду! »

Онъ вошелъ въ избу; въ каморкѣ Парфеньева еще свѣтился огонь. Парфентій, лежа, высчитывалъ продажу, творилъ молитву. Всѣ другіе громко храпѣли.

« Дядя Парфенъ, дядя Парфенъ! » сказалъ Ванюша, сѣвши въ безсиліи, подлѣ столика въ каморкѣ.

— Ну! что ты? отвѣчалъ Парфентій безъ вниманія, какъ человѣкъ, у котораго перервали важное занятіе.

« Я... нашелъ пропажу.. » едва могъ промолвить Ванюша.

— Какъ!... воскликнулъ Парфентій, и столь быстро вскочилъ съ лавки своей, что испуганный котъ, дремавшій подлѣ него, опрометью вспрыгнулъ на печь.

« Дѣлай, что хочешь... суди меня Богъ и Царь: пропажа у тебя на сараѣ. »

— Тише, тише! прошепталъ Парфентій, какъ будто присутствіе 40,000 рублей золотомъ въ его домѣ, внушало ему благоговѣйное молчаніе.

Тихо пересказалъ ему Ванюша, какъ поднялъ онъ мѣшокъ. Но далѣе Парфентій не могъ вытерпѣть. « Пойдемъ, » сказалъ онъ, зажегъ фонарь и, не обуваясь, пошелъ къ сараю. « Тише, »

твердилъ онъ безпрестанно дорогою. — « Полѣзай и принеси, » вымолвилъ Парфеній, подошедъ къ сараю.

— Нѣтъ, дядя Парфенъ, я не пойду: мнѣ страшно; поди самъ... подъ осью, въ углу, гдѣ корзина...

Быстро полѣзъ Парфеній, а Ванюша споялъ и слушалъ беззаботный разговоръ двухъ извощиковъ, которые лежали въ сторонѣ, подъ сараемъ.

« Ну, братъ Гришка, если-бы я нашелъ, ужъ такъ-бы и быть, а меня-бы ты не увидѣлъ въ Москвѣ.

— Да куда-жъ-бы ты провалился?

« Вотъ: куда! Русская земля не клиномъ вышла, и по золотой дорожкѣ слѣда не нашелъ-бы самъ дѣдушка домовой. »

— Ну, къ бѣсу! Если-бы мнѣ попался, я вынялъ-бы сотни двѣ, да взялъ себѣ, а остальное отдалъ...

Смѣхъ кончилъ ихъ разговоръ. Парфеній несъ уже мѣшокъ, закрывъ фонарь. Богъ знаетъ отъ чего, этотъ заколдованный мѣшокъ и на дядю Парфенья произвелъ такое-же дѣйствіе, какъ на Ванюшу: дядя блѣднѣлъ, краснѣлъ, дрожалъ, клочки остальныхъ волосовъ безъ вѣтра шевелились на головѣ его. Онъ пошелъ молча къ сѣнямъ, перемѣняя руки, какъ будто держа раскаленные

уголья, и въ сѣняхъ положилъ мѣшокъ на столъ.

« Хоть-бы сосчитать ихъ . . . » сказалъ онъ глухо.

— Нѣтъ, нѣтъ, дядя Парфенъ! ради Бога веди меня и неси мѣшокъ, куда хочешь, въ яму, въ острогъ, на съѣзжую...

Парфентій не утерпѣлъ, развязалъ мѣшокъ, взялъ въ руки по горсти монетъ, положилъ, еще взялъ, и руки его тряслись.

« Экое богатство! » проговорилъ онъ. « Хмъ! богатство... богатство... а все плѣнъ и прахъ... богатство... » Онъ какъ будто проглотилъ послѣднее слово, оправился и, завязывая мѣшокъ, продолжалъ измѣнившимся голосомъ: « Видно праведно нажито : и въ огнѣ не горитъ, и въ водѣ не тонетъ, и на дорогѣ не крадутъ... Пойдемъ! »

Парфентій схватилъ первый зипунъ, шляпу, какая попалась, не выпуская мѣшка, надѣлъ кое какъ ; онъ и Ванюша отправились въ Частному Приставу.

Былъ въ Иркутскѣ случай замѣчательный. Тамъ, въ дальнемъ переулкѣ, который ведетъ отъ кладбищенской Крестовской церкви, жилъ старикъ, съ женою старушкою и племянницею дѣвочкою. Его считали богатымъ, по крайней мѣрѣ съ деньгами. Вдругъ однажды по утру не отпираются окна и ворота въ домикѣ; прошелъ день:

твердилъ онъ безпрестанно дорогою. — « Полѣзай и принеси, » вымолвилъ Парфентій, подошедъ къ сараю.

— Нѣтъ, дядя Парфенъ, я не пойду: мнѣ страшно; поди самъ... подъ осью, въ углу, гдѣ корзина...

Быстро полѣзъ Парфентій, а Ванюша стоялъ и слушалъ беззаботный разговоръ двухъ извощиковъ, которые лежали въ сторонѣ, подъ сараемъ.

« Ну, братъ Гришка, если-бы я нашелъ, ужь такъ-бы и быть, а меня-бы ты не увидѣлъ въ Москвѣ.

— Да куда-жь-бы ты провалился?

« Вотъ: куда! Русская земля не клиномъ вышла, и по золотой дорожкѣ слѣда не нашелъ-бы самъ дѣдушка домовой. »

— Ну, къ бѣсу! Если-бы мнѣ попался, я вынялъ-бы сотни двѣ, да взялъ себѣ, а остальное отдалъ...

Смѣхъ кончилъ ихъ разговоръ. Парфентій несъ уже мѣшокъ, закрывъ фонарь. Богъ знаетъ отъ чего, этотъ заколдованный мѣшокъ и на дядю Парфентья произвелъ такое-же дѣйствіе, какъ на Ванюшу: дядя блѣднѣлъ, краснѣлъ, дрожалъ, клочки остальныхъ волосовъ безъ вѣтра шевелились на головѣ его. Онъ пошелъ молча къ сѣнямъ, перемѣняя руки, какъ будто держа раскаленные

уголья, и въ сѣняхъ положилъ мѣшокъ на столъ.

« Хоть-бы сосчитать ихъ . . .» сказалъ онъ глухо.

— Нѣтъ, нѣтъ, дядя Парфенъ! ради Бога веди меня и неси мѣшокъ, куда хочешь, въ яму, въ острогъ, на съѣзжую...

Парфеннiй не утерпѣлъ, развязалъ мѣшокъ, взялъ въ руки по горсти монетъ, положилъ, еще взялъ, и руки его тряслись.

« Экое богатство! » проговорилъ онъ. « Хмъ! богатство... богатство... а все тлѣнъ и прахъ... богатство... » Онъ какъ будто проглотилъ послѣднее слово, оправился и, завязывая мѣшокъ, продолжалъ измѣнившимся голосомъ: « Видно праведно нажито : и въ огнѣ не горитъ, и въ водѣ не тонетъ, и на дорогѣ не крадутъ... Пойдемъ! »

Парфеннiй схватилъ первый зипунъ, шляпу, какая попалась, не выпуская мѣшка, надѣлъ кое какъ ; онъ и Ванюша отправились въ Частному Приставу.

Былъ въ Иркутскѣ случай замѣчательный. Тамъ, въ дальнемъ переулкѣ, который ведетъ отъ кладбищенской Крестовской церкви, жилъ старикъ, съ женою старушкою и племянницею дѣвочкою. Его считали богатымъ, по крайней мѣрѣ съ деньгами. Вдругъ однажды по утру не отпираются окна и ворота въ домикѣ; прошелъ день:

все молчитъ, никто не выходитъ изъ домика. Сосѣди собрались, потолковали, пришли: все заперто; отперли, входятъ: старикъ, старушка, дѣвочка—убиты, зарѣзаны. Старикъ, съ разрубленною головою, лежалъ на лавкѣ, и рука, которою хотѣлъ онъ перекреститься, замерла на лбу, съ сложенными перстами; старушка, задушенная, лежала подъ подушками въ другомъ углу, и дѣвочка, съ перерѣзаннымъ горломъ, была подлѣ окошка, изъ котораго, какъ видно, хотѣла выскочить. Сундукъ старика стоялъ среди избушки, разломанный. Кто убійца? Знаковъ и слѣдовъ не было; искали, искали, похоронили убіенныхъ, и уже опустѣлый домикъ, отъ котораго бѣжали вечеромъ прохожіе, разрушался, когда вдругъ приходитъ въ Полицію человѣкъ и говоритъ, что онъ нѣсколько лѣтъ тому убилъ старика, жену и племянницу его. «Вотъ что нашелъ я у нихъ въ награду!» сказалъ онъ, и положилъ на столъ семь гривенъ мѣди, пятирублевую ассигнацію и два старинные цѣлковые. «Ради Го́спода, велите меня судить и наказать скорѣе, и вотъ деньги, мною найденныя у старика: онѣ цѣлы, онѣ прилипали къ рукамъ моимъ, когда я хотѣлъ ихъ отдавать другому, хотѣлъ бросить ихъ!» Когда страшное наказаніе надъ нимъ совершилось, онъ перекрестился и сказалъ: «Теперь только вижу свѣтъ Божій!» Его разспрашивали и узнали, что онъ бѣгалъ за

Байкалъ и къ дикимъ Брацскимъ, молился, пускался въ новыя злодѣйства, но нигдѣ не находилъ покоя: ему мечтались повсюду тѣни убитыхъ; кровь ихъ капала на каждой кусокъ хлѣба, багрила каждую каплю воды, которую глоталъ убійца, и невинная душа дѣвочки, какъ ангелъ мщенія летая предъ нимъ, твердила ему днемъ и ночью: «*иди и скажи*!» Привидѣнія исчезли, когда онъ искупилъ страданіемъ преступленіе. Благоговѣйно пошелъ убійца въ бездонные Нерчинскіе рудники, какъ примѣръ Божьяго правосудія и до предѣловъ гроба.

Я разсказалъ вамъ ужасный примѣръ сей, чтобы объяснить, отъ чего Ванюшѣ сдѣлалось легче, когда золото, имъ утаенное, было возвращаемо назадъ, когда онъ, увидѣлъ, что медленность, нерѣшительность, мысль овладѣть чужимъ добромъ, все, что на цѣлый день сдѣлало его обладателемъ мѣшка съ золотомъ, было обвиненіемъ его, что онъ былъ воръ, хищникъ, преступникъ предъ судомъ своей совѣсти, увидѣлъ, и предавалъ самъ себя въ руки грознаго суда. Такъ, онъ не выдержалъ испытанія: онъ не принесъ золота съ дѣтскою простотою, и не сказалъ: вотъ я нашелъ золото, но оно не мое; отдайте его, кому оно слѣдуетъ!... Горе ему: онъ грѣшенъ, и только въ раскаяніи спасеніе его...

Парѳентій застalъ Частнаго Пристава еще не

спящимъ. У него были гости. Въ огромной комнатѣ, по стѣнамъ коей щели заклеены были бумажными полосками и убраны портретами и старыми географическими картами, сидѣло съ десятокъ человѣкъ, вокругъ двухъ столовъ съ картами, пуншемъ и табакомъ; табачный дымъ разстилался облаками, и самъ Приставъ выступилъ съ трубкою, въ халатѣ, и съ вопросомъ: « Что́ ты? »

Но какъ измѣнился вдругъ спокойный, важный видъ Пристава, куда полетѣла трубка его, когда Парфеній вытащилъ изъ подъ полы мѣшокъ и объявилъ, что племянникъ его нашелъ пропажу, занимавшую всю полицію Московскую.

И карты также полетѣли въ стороны отъ этихъ словъ! Торжественно положили тучную пропажу на зеленый столъ. Не смотря на горесть, печаль, Ванюша не могъ не замѣтить, что мѣшокъ съ золотомъ производитъ на всѣхъ чудное дѣйствіе. Онъ не зналъ, что лихорадка бьетъ каждаго, кто прикоснется къ таинственному мѣшку, и увидѣлъ, что самый Приставъ, такъ-же какъ дядя Парфеній, и дрожалъ, и краснѣлъ и блѣднѣлъ, развязавъ мѣшокъ, взявъ въ горсть золота и перебирая его передъ свѣчкою.

Говорили не много. « Сидорова сюда! » закричалъ Приставъ. Явился Сидоровъ, небритое, со всклоченными волосами, въ фризовой старой ши-

нели созданіе, выпучилъ глаза на мѣшокъ, молча общелкалъ перо о сполъ и написалъ показаніе со словъ Ванюши.

По данному знаку явились два казака и стали по обѣимъ сторонамъ Ванюши. Тутъ задрожалъ онъ, какъ осиновый листъ, слезы потекли градомъ, колѣна его подломились. «Батюшка Ваше Благородіе! помилуйте!» воскликнулъ онъ. «Божусь, что я не взялъ ни копѣйки: все тутъ, что нашелъ я!»

Зачѣмъ не хотѣли утѣшить его ласковымъ словомъ? Зачѣмъ никогда не подумаютъ исполнители правосудія о мученіи, какое еще прежде кары долженъ вытерпѣть самый преступникъ въ ужасномъ молчаніи, въ грозномъ видѣ судей? Но таковъ обычай почти всѣхъ судей и всѣхъ судовъ. Ни слова не было въ отвѣтъ; мѣшокъ запечатали печатью Частнаго Пристава, печатью Парфенція; самъ Приставъ понесъ его въ низъ, въ присутствіе; Ванюшу схватили казаки, и—онъ въ тюрьмѣ, душной, ужасной, гдѣ приходъ его разбудилъ двухъ или трехъ человѣкъ, крѣпко спавшихъ. «Здорово, товарищъ!» сказалъ одинъ изъ нихъ, не поднимая головы.

Товарищъ! Ванюша товарищъ злодѣя, можетъ быть убійцы! Нѣтъ, нѣтъ! Онъ искупаетъ только минутную дань человѣческой слабости въ смердящемъ воздухѣ тюрьмы! Онъ не спалъ среди

храпѣнья заснувшаго крѣпко злодѣйства, и ангелъ утѣшитель слетѣлъ къ нему въ молитвѣ; тихія слезы смывали пятно съ его совѣсти.

Когда лучи солнца проникли сквозь тусклыя стекла тюрьмы, уже не было отчаянія въ груди Ванюши: скорбная преданность судьбѣ видна была на лицѣ его.

Заскучалъ и упалъ тюремный затворъ. Ванюшу вывели изъ тюрьмы; рядомъ съ нимъ пошли два казака и привели его въ домъ Оберъ-Полиціймейстера. Тутъ ввели его въ прихожую и велѣли ждать. Онъ стоялъ убитый горестью, безмолвный, когда отворились двери, вышелъ вчерашній Приставъ и велѣлъ ему идти далѣе.

Въ другой комнатѣ сидѣлъ старикъ, въ синемъ Русскомъ кафтанѣ, съ пуховою шляпою въ рукахъ. Длинная сѣдая борода окладисто падала отъ лица его. Онъ не обращалъ ни на что вниманія и казался задумчивымъ. Почтительно сталъ у дверей Приставъ; по другую сторону дверей Ванюша.

Ахъ! Первымъ лучемъ отрады былъ для него приходъ добраго начальника! Онъ явился не судіею мрачнымъ, ужаснымъ, таинственнымъ, но добрымъ, милостивымъ блюстителемъ правосудія и кроткимъ исполнителемъ обязанности, часто тяжелой. Лицо его было оживлено милосердіемъ и добротою.

« Григорій Васильевичъ ! » сказалъ онъ, протягивая руку къ старику, съ почтеніемъ кланявшемуся, « здравствуйте. Я радъ, что хотя непріятный случай доставляетъ мнѣ удовольствіе васъ видѣть. Сядемъ-те. Кажется, что ваша потеря нашлась. Но разскажите мнѣ сперва дѣло подробно и обстоятельно.

Старикъ былъ богатый купецъ изъ мѣняльнаго ряда. Онъ промѣнивалъ въ годъ милльоны, велъ дѣла съ братомъ, жившимъ въ Петербургѣ, и по мѣрѣ возвышенія или пониженія курса, повозки съ ассигнаціями, серебромъ, золотомъ, летали у нихъ въ Петербургъ или Москву. Наканунѣ получилъ онъ кибитку серебра и мѣшокъ золота; сложивши всѣ мѣшки на тѣлегу, привезъ онъ ихъ въ рядъ, рано по утру, когда еще никого не было въ рядахъ, чтобы никто не замѣтилъ полученія серебра и слухъ о полученіи не уронилъ курса. Возъ въѣхалъ въ рядъ, и за нимъ забрали снова доски, которыми запирается рядъ. Въ то время, какъ возъ вдвигали въ рядъ, тяжелый, небольшой мѣшокъ золота скатился съ воза и упалъ на улицѣ ; схватились его тотчасъ, бросились смотрѣть на улицу, искать домой : нигдѣ не было; немедленно подано было объявленіе въ Управу Благочинія; слѣдствія уже намъ извѣстны.

« Сколько было въ мѣшкѣ ? »

—Сорокъ тысячъ безъ промѣна, отвѣчалъ купецъ.

« Какою монетою ? »

— Полуимперіялами, частію имперіялами; думаю, немного было Наполеончиковъ и Австрійскихъ.

« Какой былъ мѣшокъ ? »

— Англійской крѣпкой кожи, съ буквами: Г. В. Ф.

Тутъ обратился Оберъ-Полиціймейстеръ къ Ванюшѣ : « Не робѣй , мой другъ , и разскажи мнѣ все : кто ты , откуда , какъ нашелъ ты мѣшокъ ? »

И Ванюша заговорилъ краснорѣчиво , какимъ образомъ отецъ его раззорился , какъ онъ думалъ найдти въ Москвѣ свое счастье , какъ нашелъ гибельный мѣшокъ , какъ, изумленный , обезумѣвшій , не зналъ куда съ нимъ дѣваться , и какъ опікрылъ все дядѣ. « Грѣшный человѣкъ ! » продолжалъ онъ. « Я не хотѣлъ красть , но умъ за разумъ закатился у меня, и—судите теперь меня , какъ вамъ угодно... »

Всѣ казались растроганными , кромѣ Частнаго Пристава , все холодно слушавшаго и , неподвижно , въ струнку вытянувшись , стоявшаго у дверей. « Сколько-же хотѣлъ-бы ты взять себѣ изъ мѣшка , если-бы тебѣ дали на волю ? » спросилъ его добрый Оберъ-Полиціймейстеръ ,» сколько воображаешь ты себѣ самымъ большимъ богатствомъ ? »

— Тысячу рублей, если-бы далъ мнѣ Богъ, от-

вѣчалъ Ванюша, сложивъ руки и поднявъ глаза къ небу, тысячу рублей, и я былъ-бы самое счастливое Божіе созданіе!»

«Тысячу! много братъ, великъ кушъ! Вотъ вашъ мѣшокъ, Григорій Васильевичъ!» сказалъ потомъ Оберъ-Полиціймейстеръ купцу, вставая и сбросивъ салфетку со стола: мѣшокъ съ золотомъ лежалъ подъ нею. «Считайте, все-ли, но позвольте начать счетъ мнѣ.» Онъ развязалъ мѣшокъ, отсчиталъ пятьдесятъ полуимперіяловъ, отложилъ къ сторонѣ, и обратясь къ купцу спросилъ: «Такъ-ли?»

— Нѣтъ, не такъ, Ваше Превосходительство, отвѣчалъ купецъ, самъ подошелъ къ столу, отсчиталъ еще пятьдесятъ полуимперіяловъ, положилъ къ отдѣленнымъ уже пятидесяти, и сказалъ: «Теперь такъ.»

«Благодарю васъ, «промолвилъ Оберъ-Полиціймейстеръ, пожимая снова руку купца. «Иванъ Ѳедосеичъ,» сказалъ онъ смѣясь, «ты чуть было не сдѣлался плутомъ, но за то суди тебя Богъ, а въ глазахъ человѣка ты достоинъ награды за свою честность. Держи шляпу: вотъ это тебѣ *двѣ тысячи* рублей, и—разживайся на здоровье!»

Ванюша не говорилъ ни слова: онъ плакалъ... эти слезы были уже слезы радости, и жаль

что людямъ столь рѣдко удается плакать *такими* слезами...

Разсказъ мой конченъ: вы угадаете остальное. Не знаю, понравился-ли вамъ герой моего разсказа: я представилъ все какъ было, какъ случилось, ничего не прибавилъ, не скрылъ. Но если Ванюша возбудилъ ваше участіе, я скажу вамъ, что онъ тотчасъ оставилъ Москву, не смотря на предложенія, ласки и поклоны дяди Парфенпья, и униженность всѣхъ своихъ бывшихъ товарищей. Онъ поѣхалъ прямо въ Троицкую Лавру, и тамъ, когда онъ молился у гроба Святаго Сергія, подлѣ него стала на колѣна и также молилась молодая странница. Ванюша вглядѣлся въ нее: это была Груня; она пришла къ Троицѣ по обѣщанію съ своею бабушкою; воротились онѣ обѣ вмѣстѣ, пѣшкомъ: такъ слѣдовало по обѣщанію Груни; Ванюша не хотѣлъ уже съ ними разставаться. При входѣ въ родную деревню попались имъ два человѣка, которые шли обнявшись и на веселѣ. Кто такіе они были? Староста Филаретъ и Ѳедосей! Молва прилетѣла въ деревню прежде Ванюши, и самъ староста, первый пришелъ пенять Ѳедосею, что онъ забылъ стараго пріятеля, а Ѳедосей не хотѣлъ помнить стараго зла, и ждалъ добра отъ настоящаго. Золото озолотило будущее для него и для Ванюши.

Если-бы я разсказывалъ выдуманное, то мнѣ въ окончаніи надобно-бы, осчастлививъ добрыхъ, наказать злыхъ; но въ бѣломъ свѣтѣ не всегда такъ бываетъ. Гдѣ и когда разсчитывается здѣшнее добро и зло, извѣстно не намъ, и въ нашихъ глазахъ иногда добрые остаются въ убыткѣ, а злые въ барышахъ. Впрочемъ: кто-же въ моей повѣсти *злые*? Староста Филаретъ, Москвичъ?... Друзья мои! Много-ли останется агнцовъ, если ихъ опредѣлимъ мы къ козлищамъ? Нѣтъ, нѣтъ! Черезъ три года Сергѣй пріѣхалъ къ отцу, веселый, съ молодою женою, и пировалъ тогда на свадьбѣ Москвича, гдѣ тысяцкимъ былъ Ѳедосей, дружкою Ванюша, а староста Филаретъ плясалъ, держа на рукахъ милаго, хорошенькаго внучка своего, Филарета Ивановича.

Н. П.

ЗАМѢЧАНІЯ НА КНИГУ:

О ДОСЧАТЫХЪ СТРОПИЛАХЪ, или ДОСЧАТО-СТРОПИЛЬНЫХЪ КРОВЛЯХЪ, соч. Жилли, пер. Г-на Ломновскаго.

(Письмо къ Издателю Телеграфа).

Въ нашихъ провинціяльныхъ мѣстахъ, отдаленныхъ отъ печатнаго міра, черезъ газетныя только объявленія узнаешь о выходѣ въ свѣтъ какой-либо книги, а глазами увидишь развѣ какой-либо романъ, Повариху, Секретнаго Эконома, Оракула, съ прочими твореніями подъ названіями человѣческими. Такова доля наша! И если-бы еще не помѣщались иногда отрывки изъ дѣльныхъ книгъ въ журналахъ, то, сколько ни хвали ихъ газетеры, сколько ни цѣни ихъ критики, мы право думали-бы, что дѣло идетъ о кометѣ, едва видимой съ обсерваторій.

Кажется, въ 1827-мъ году Сѣверная Пчела извѣстила о выходѣ въ свѣтъ книги: «*О досчатыхъ «стропилахъ или досчато-стропильныхъ (!) кров-«ляхъ*. Извлечено изъ сочиненія (?) Жилли, Инже-«неръ-Капитаномъ Ломновскимъ. (Съ чертежами. СПб., въ т. Н. Греча). Извѣстіе о появленіи сочиненія, относящагося къ Архитектурѣ, порадовало мое архитекторское сердце. Я обрадовался, подобно бѣдняку, который-бы прочиталъ въ газетахъ,

что на часть его достается какое-нибудь наслѣдство, по завѣщанію какого-нибудь благодѣтеля. Слава Богу, сказалъ я, и спасибо добрымъ Русскимъ инженерамъ. Хоть они бросаютъ иногда по лепшѣ на долю безпомощной вдовицы — Архитектуры! Вы, М. Г., занимаясь библіографіею, лучше меня знаете, какъ мало у насъ книгъ архитектурныхъ на родномъ языкѣ, а иностранныя, Богъ съ ними, не такъ-то легко даются нашему брату: вопервыхъ потому, что не всѣ мы понимаемъ ихъ, во вторыхъ потому, что не всѣ мы имѣемъ случай и средства ихъ доставать; такъ удивительно-ли, что у насъ на Руси пресловутыми архитекторами были и суть иностранцы и, замѣтьте, М. Г., тѣ иностранцы, у коихъ на отечественномъ языкѣ болѣе книгъ архитектурныхъ (*)? И какъ иначе? Архитекту-

(*) Одинъ изъ товарищей моихъ по школѣ, при выходѣ изъ оной и разставаньи со мною, сказалъ: « Прежде всего постарайся, братъ, разбогатѣть, накупи книгъ, пользуйся ими *умно*, такъ и будешь архитекторомъ извѣстнымъ. » Слышу, что умный товарищъ мой, оставшійся въ столицѣ, получаетъ отъ искуства своего въ годъ тысячь до десятка, имѣетъ много занятій казенныхъ и частныхъ, и награжденъ уже орденомъ! Видно, что онъ самъ поступилъ по совѣту мнѣ данному, а я исполнить его не могу, живя въ провинціи, гдѣ мало охотниковъ до изящнаго въ Архитектурѣ и не мало—въ гастрономіи, такъ что-то и не богатѣется, а по сему и послѣдующее за тѣмъ не сбывается.

ра хотъ и художество, но любитъ также пользоваться образцами, опытами, соображеніями; хотъ и сравнивали ее когда-то съ Поэзіею, но справедливо-ли? Поэтъ можетъ быть возлелѣянъ одною матерью-природою; предметы ему близкіе, или чувствованія знакомыя, при пламенномъ воображеніи, могутъ быть изображены имъ тѣмъ-же способомъ, какимъ выражается онъ съ дѣтства, т. е. даромъ слова. Но кто говоритъ пятью орденами Архитектуры? При самомъ пылкомъ воображеніи можетъ-ли кто нибудь быть архитекторомъ, если онъ не будетъ прежде посвященъ въ Элевзинскія таинства науки? А какъ всякая наука совершенствуется съ теченіемъ времени, и не сама собою, но когда ею занимаются, повѣряютъ, дополняютъ изложенныя въ ней истины, когда говорятъ объ ней, или пишутъ, то иная книга можетъ дать иному новыя мысли, чтеніе можетъ обогатить умъ и образовать вкусъ, лишь-бы критика, какъ присяжный оцѣнщикъ, оцѣняла все и взвѣшивала. Скажите-же, М. Г., что дѣлать намъ, Русскимъ Архитекторамъ, намъ, получившимъ въ школѣ главнѣйшія основанія искуства, и вышедшимъ изъ оной съ однимъ только циркулемъ? Что дѣлать намъ съ симъ бѣднымъ орудіемъ, которымъ мы поворачиваемъ въ раздумьѣ по старымъ наставленіямъ нашей бабушки-школы, прибавляя къ нимъ крупицы собственныхъ нашихъ небольшихъ опытовъ? Что дѣлать намъ, когда у богини нашей, подъ знаменами которой рѣшились мы служить, такъ мало жрецовъ и совсѣмъ почти нѣтъ жертвоприношеній — типографскаго приготовленія? Ужь не поссоришься-ли съ ней!

Но вотъ въ какую глубину увлекла меня радость о выходѣ сочиненія по сердцу и оттолкнула мысли мои совсѣмъ въ другую сторону. Я хотѣлъ-было сказать, что въ нашихъ мѣстахъ невозможно достать сочиненій *серьозныхъ*, и что книгу, о которой идетъ дѣло, я купилъ въ бытность мою въ Петербургѣ. Признаюсь вамъ, М.Г., что сердце мое не очень запрыгало, когда на спросъ мой, вмѣсто книги, подали мнѣ нѣсколько печатныхъ листовъ безъ переплета, и даже не сшитыхъ. При взглядѣ-же на два рисунка, *близъ* печатныхъ листовъ приложенные, глаза мои отуманились. Какъ можно было ожидать, чтобы подъ надзоромъ инженера рисунки были такъ награвированы?... Съ какимъ-то унылымъ раздумьемъ я умѣстилъ въ боковой карманъ купленное сочиненіе, и долго не имѣлъ духа прочитать его.

Но прочитавъ, будемъ справедливы къ почтенному извлекателю-переводчику, и постараемся трудъ его сдѣлать извѣстнымъ, въ благодарность за доставленное намъ удовольствіе.

§ 1. «Досчато-стропильныя кровли имѣютъ дугообразныя и притомъ выпуклыя стропилы.» Такъ: выпуклыя по наружности, но вогнутыя съ внутренней стороны.

«Изображенія 1 и 6 представляютъ пару стропилъ, скрѣпленную съ *балкою* посредствомъ шипа.» А на рисункѣ стропила стоятъ на *прогонахъ*, идущихъ по длинѣ стѣнъ.

Въ § 2 излагаются правила «начертывать дугообразныя стропила, для вышины (подъема) коихъ должно давать немного болѣе половины широты

кровли.» Правило сіе отзывается Нѣмецкою точностію подводить все подъ правила: но что мѣшаетъ сдѣлать подъемъ стропилъ въ половину или меньше поперечника кровли?

Въ § 3 описываются выгоды употребленія досчатыхъ стропилъ: 1) «они не имѣютъ нужды въ лежеляхъ, или поперечныхъ связяхъ, неизбѣжныхъ при обыкновенныхъ стропилахъ; посему, устроивъ досчатыя стропила, получимъ вмѣстительный для поклажи чердакъ.» А на изобр. 22, 23, 31, 32 представлены стропила дугообразныя-же съ лежелями и бабками.

2) «Они безопасны отъ огня, потому что дымовыя трубы не прилегаютъ къ дереву подъ крышею.» И при обыкновенныхъ стропилахъ трубы должны и могутъ не прилегать къ дереву.

3) Доставляется выгода отъ весьма значительнаго уменьшенія количества лѣса, а что для дугообразныхъ стропилъ потребны доски, то эти доски могутъ быть получены изъ дурныхъ деревъ, изъ суковатыхъ, испорченныхъ и кривыхъ.» Въ этомъ отношеніи я почти согласенъ, но согласится-ли плотникъ взять за работу сихъ стропилъ туже цѣну, какую беретъ онъ за работу обыкновенныхъ? На гвозди, потребныя для скрѣпленія досокъ, я думаю, понадобятся-же какія-нибудь издержки. Положимъ, что отъ сихъ обстоятельствъ все еще нечувствительна разница въ цѣнѣ тѣхъ и другихъ стропилъ; но если приняшь въ разсчетъ излишнюю потребность матеріяловъ: желѣза или досокъ для дугообразной кров-

ли; то выгоды будутъ на сторонѣ обыкновенныхъ стропилъ, ибо чѣмъ кровля выше, тѣмъ и поверхность оной больше.

Далѣе говорится объ употребленіи дугообразныхъ стропилъ съ особливою удобностію при построеніи церковныхъ куполовъ. Это дѣлается у насъ исконо, а превосходные чертежи симъ стропиламъ можно видѣть въ книгѣ: *Собраніе фасадовъ и плановъ для церквей*, изданное отъ Министерства Внутреннихъ Дѣлъ.

Далѣе разсуждается о частяхъ и самомъ устройствѣ дугообразныхъ стропилъ; потомъ примѣняются они къ кровлямъ: надъ амбарами, овинами, манежами или экзерциръ-гаузами, надъ частными домами и, наконецъ, церквами.

Если Итальянская Архитектура была образцомъ, по коему наша Русская начала одѣваться, то она, перенявъ у первой фасонъ и украшеніе, рѣшительно отказалась отъ подражанія въ головномъ уборѣ, не такъ какъ наши прелестныя дамы, которыя на счетъ своего здоровья и въ семъ случаѣ соглашаются съ Парижанками, не смотря на совѣты добраго Г-на Булгарина: онъ жалѣя ихъ нѣжныя головки, начиналъ-было ссылаться на разность климатовъ... Архитектура-же Русская, во уваженіе естественныхъ причинъ, рѣшилась надѣть на себя *капоръ*, хотя не очень эстетическій, но предохраняющій отъ насморка и ломоты. Такимъ образомъ кровли наши, долженствуя выдерживать тяжесть снѣга и дѣйствіе проливныхъ дождей, имѣютъ въ подъемѣ отъ $\frac{1}{6}$ до $\frac{1}{4}$, и очень рѣдко $\frac{1}{3}$ своей ширины; но

по правилу Г-на Жилли, во § 2 изложенному, дугообразныя кровли должны имѣть въ вышину болѣе половины ширины своей.» Помилуйте, Г. Переводчикъ,» восклицаетъ нарядная Архитектура, «какую старую моду вышащили вы для меня изъ Парижа! Боже мой, какая вышина! Да это—дурацкій калпакъ! Пусть его носятъ деревенскіе сипаки, амбары и овины съ подобною челядью, но я ни за что не надѣну!»... Извольте убѣдить госпожу причудницу, что этотъ калпакъ не дурацкій, что онъ легокъ, безопасенъ и дешевъ!...

Относительно построенія досчато-стропильной кровли надъ церквами, въ коихъ коробчатые своды и куполы могутъ быть образованы изъ досокъ, подшитыхъ къ нижней дугѣ стропилъ, можно спросить Г-на Переводчика: для кого онъ извлекъ эту спашью? Если для Французовъ, то они не понимаютъ Русскаго языка; если-же для Рускихъ, то у нихъ не дѣлаются въ церквахъ своды и куполы изъ одной досчатой подшивки, какъ описано въ сочиненіи: климатъ нашъ требуетъ еще чернаго потолка и смазки изъ кирпича или глины, и штукатурки.

Судя по извлеченію изъ сочиненія Г-на Жилли, должно полагать, что онъ болѣе хозяинъ, нежели архитекторъ, а ежели архитекторъ, то, вѣроятно, тѣхъ временъ, когда во Франціи начинали только строиться, мало заботясь объ изяществѣ. Очень жаль, что Г-нъ Переводчикъ употребилъ нѣсколько времени и труда на переводъ сочиненія, почти для насъ безполезнаго. Зная языкъ Фран-

цузскій и владѣя перомъ для Русскаго письма, онъ могъ-бы посвятить себя на предметъ болѣе достойный его способностей.

Архитекторъ С.

Стихотворенія Барона Дельвига. СПб. 1829 г.

Въ Авторѣ-Дельвигѣ можно различать двухъ писателей: оригинальнаго и подражателя. Какъ писатель оригинальный, онъ является намъ въ своихъ пѣсняхъ и Русскихъ разсказахъ; какъ подражатель, онъ, на зло своему дарованію, пишетъ идиллiи, гимны и *присловья* въ *древнемъ* родѣ. Первый родъ сочиненій его мы можемъ только хвалить; во второмъ видимъ направленіе не совсѣмъ вѣрное для самого Автора и для его вѣка. Хотя съ похвалами соглашаются охотнѣе, нежели съ осужденіями, но мы постараемся подкрѣпить доказательствами не только все то, въ чемъ будемъ противорѣчить безусловнымъ почитателямъ Барона Дельвига, но даже и то, въ чемъ совершенно согласны съ ними.

Можно-ли подражать искуству древнихъ? Подражать однѣмъ формамъ ихъ, но не духу и формамъ вмѣстѣ: вотъ что возможно для современниковъ нашихъ. Это и дѣлаетъ Б. Дельвигъ. У него находимъ пастушескія стихотворенія, написанныя гексаметромъ; слышимъ въ нихъ имена Дамоновъ, Хлой, Тишировъ, Палемоновъ; видимъ вѣрованіе героевъ его въ языческихъ боговъ, которымъ Авторъ и онъ себя говоритъ иногда комплименты; встрѣчаемъ даже *образность*, нераздѣльную съ

древними стихотвореніями. Но все это только формы; а развѣ однѣ формы составляютъ что нибудь цѣлое? Не проникнувшія соотвѣтственнымъ имъ духомъ, онѣ бываютъ не выразительны и, смѣемъ сказать, безобразны.

Прелесть древнихъ пастушескихъ сочиненій составляетъ дѣтское простодушіе дѣйствующихъ лицъ, ибо древніе дѣйствительно были дѣтьми въ сельскомъ быту своемъ. Голубое небо веселило ихъ, щедрая природа избавляла отъ излишнихъ трудовъ, и люди, болѣе предававшіеся своимъ чувствамъ, нѣжились не такъ какъ мы, жители сѣвера, которые должны въ коротkое лѣто запасаться ржанымъ хлѣбомъ и дровами, чтобы не умереть съ голоду и не замерзнуть въ продолженіе осьмимѣсячной зимы. Наша беззаботность тотчасъ обращается въ безпутство; и мѣстомъ дружескихъ бесѣдъ нашимъ поселянамъ служатъ не каштановыя и лавровыя рощи, а кабаки и трактиры. Не говоримъ о разности религіи, совершенно отличающей насъ отъ Грековъ, во всѣхъ вѣрованіяхъ и обычаяхъ духовныхъ. Даже чувство общественности вовсе потеряно для насъ. Мы столько озабочены мѣлочными, не существовавшими для Грековъ отношеніями и нуждами, что намъ нельзя забыть о нихъ, и для насъ пастушеская безпечность или не существуетъ, или превращается въ сантиментальность, въ сахарныя, смѣшныя слова, остающіяся только словами. Изъ сего выходитъ, что современному намъ писателю столько-же прилично наряжать свои чувства въ древнюю идиллію, какъ свое тѣло въ хламиду. Хламида живописна и нынѣ,

однакожь мы не носимъ ее, и это происходитъ не отъ прихоти, а отъ неизбѣжимыхъ обстоятельствъ. Все вокругъ насъ измѣнилось. Откуда-же почерпнетъ новый поэтъ душу, которую онъ долженъ вложить въ свои древнія сочиненія? «Но,» скажутъ намъ, «зачѣмъ вамъ знать, новый или «древній писатель Б. Дельвигъ? Если его идиллiи «подобны древнимъ, то вы должны только благо-«дарить его за трудъ.»

Спрашиваемъ: если-бы въ наше время какой нибудь писатель предположилъ себѣ слѣдующее: «Буду Байрономъ; стану выражать его чувствованія, его взглядъ на предметы; перейму его образъ выраженія.» Не смотря на то, что писатель сей былъ-бы современникъ Байрона, достигъли-бы онъ своей цѣли? Навѣрное: нѣтъ! Ибо онъ можетъ описывать тѣже предметы, но они различно дѣйствуютъ на душу Байрона, и на душу его подражателя. Слѣдственно, выраженіе подражателя всегда будетъ невѣрно. Вообразите подобное подражаніе древнему міру въ наше время, и спросите себя: можемъ-ли мы *понимать* предметы и отношенія оныхъ такъ, какъ понимали ихъ Греки? Отвѣтъ долженъ быть отрицательный. Слѣдственно, нашъ Греческій взглядъ на предметы едва-ли будетъ и слабымъ подобіемъ своего образца. Не такъ-ли подражаетъ дитя дѣйствіямъ человѣка понимающаго? И дитя станетъ дѣлать тоже, что человѣкъ взрослый, но безъ сознанія, безъ понятія о сущности своихъ дѣйствій. Не такъ-ли понимали искуство и схоластическіе учители среднихъ вѣковъ? И они думали, что можно

подражать древнимъ, изображая древніе предметы; но, впослѣдствіи уже, это привело къ тому, что и въ новыхъ предметахъ хотѣли сохранять древнюю форму. И вотъ что погубило великихъ Французскихъ поэтовъ; вотъ что сбило съ истиннаго пути геніальнаго Корнеля и безсмертнаго Расина! Развѣ формы Расина и Корнеля не прекрасны? Думаемъ, что никто не станетъ отрицать у нихъ красоты. Но безобразіе ихъ состоитъ несоотвѣтственность цѣли съ исполненіемъ. Они думали, что пишутъ трагедіи въ родѣ древнихъ, и напротивъ выражали придворный духъ своего времени. Гёте, какъ великій геній, постигающій предметы неповерхностно, и какъ первоклассный поэтъ, наконецъ, какъ Германецъ, собственно неимѣющій характера, и потому по природѣ своей удобно примѣняющійся ко всему, подражалъ древнимъ. Но только *подражалъ*! Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ его подражаній, въ формахъ, у него есть ближайшее сходство съ Греками, но всего болѣе оно находится въ размѣрахъ, въ собственныхъ именахъ и въ нѣкоторыхъ выраженіяхъ. Наши новые языки, отражающіе въ себѣ совершенно иной характеръ, наши понятія, ни сколько не сходствующія съ древними, нашъ воздухъ, наша жизнь, мѣшаютъ намъ преобразиться въ древнихъ. Подражанія наши всегда будутъ поддѣльны, холодны, мертвы, ибо всегда будутъ ограничиваться одними словами и формами (*).

(*) Вотъ мнѣніе А. Шлегеля, о томъ, до какой сте-

Думаемъ, что Б. Дельвигъ всего болѣе увлеченъ примѣромъ Гёте. Откровенно сказавъ мнѣніе наше о тѣхъ сочиненіяхъ великаго Германскаго писателя, въ коихъ онъ старался быть древнимъ, мы

пени можемъ мы переносить на новые языки и понимать произведенія древнихъ Грековъ: «Переводы въ прозѣ и стихахъ, будучи не инымъ чѣмъ, какъ переодѣваньемъ въ новомъ вкусѣ, не даютъ настоящаго понятія о Греческой драмѣ. Доселѣ только на Нѣмецкомъ языкѣ пытались представлять истинно вѣрные, по выраженію и стихамъ подходящіе къ высотѣ оригиналовъ переводы. Однакожь и тутъ, хотя нашъ языкъ чрезвычайно гибокъ и во многихъ оттѣнкахъ сходенъ съ Греческимъ, бой должно вести не равнымъ оружіемъ, и нерѣдко, вмѣсто Греческой свободной прелести, у насъ является жесткость и принужденность. Я не знаю ни одного перевода Греческихъ трагиковъ, вполнѣ достойнаго хвалы. Но если предположимъ даже, что переводъ будетъ возможно-совершенный и разность копіи отъ оригинала самая малая, то и тогда читатель, незнакомый съ другими сочиненіями Грековъ, изумленный чуждымъ ему содержаніемъ, народными особенностями, безчисленными намеками, для понятія коихъ необходима ученость, развлеченный частностями, не получитъ никакого яснаго, чистаго понятія о цѣломъ. Покуда должно бороться съ препятствіями и прудиться, дотолѣ истинное наслажденіе искусствомъ евозможно. Чтобы понимать древнихъ надлежащимъ образомъ, должно сродниться съ ними, должно, такъ сказать, дышать Греческимъ воздухомъ. eber dramatische Kunst und Litteratur. 1817. I. 66, 67.

подкрѣпимъ оное слѣдующимъ примѣромъ. Вѣроятно, Гёте знаетъ древнихъ Грековъ не лучше, чѣмъ новыхъ Французовъ; это еще вѣроятнѣе потому, что онъ никогда не гордился именемъ Грека, и причисляетъ къ счастливѣйшимъ днямъ своей жизни тотъ день, въ который его назвали Германскимъ Вольтеромъ. Онъ во многомъ подражалъ Французамъ: писалъ драмы въ ихъ родѣ, мѣлкія сочиненія, и перевелъ двѣ трагедіи Вольтера. Во всемъ этомъ онъ похожъ на Француза такъ, какъ Нѣмецъ, который думаетъ любезничать по Французски, похожъ на жителя Парижскихъ гостиныхъ. Г. Критикъ, въ послѣдней книжкѣ Московскаго Телеграфа разбиравшій переводъ Мессинской Невѣсты, удивляется точности, съ какою Гёте перевелъ Вольтеровы трагедіи; мы думаемъ напротивъ, что онъ перевелъ ихъ очень неудачно. Пятистопные его стихи не даютъ никакого понятія о стихахъ подлинника; Французская вѣжливость, тонкость выраженій, *благоуханіе* Парижскихъ комплиментовъ, потерялись въ переводахъ Гёте и непонятны намъ въ нихъ потому только, что они напоминаютъ подлинникъ. Гдѣ-же видитъ Г. Критикъ сходство? Слова тѣже! Хорошъ былъ-бы переводъ, если-бы и слова были не тѣже, то есть если-бы и смыслъ Вольтеровыхъ выраженій не былъ сохраненъ въ переводѣ. Маленькое отступленіе сіе можетъ намекнуть намъ на то, что если Гёте несовершенно могъ сладить съ Французами, то сходство его съ Греками для насъ еще подозрительнѣе и непонятнѣе. Повторимъ: Гёте подражалъ Грекамъ какъ необыкновенный геній, но *по*

дражать ему не долженъ никто: это начало того-же направленія, которое погубило Музу Французовъ. Подражанія наши будутъ ограничиваться однѣми формами, а Русскіе и такъ уже пресытились подобными подражаніями и заимствованіями отъ иностранцовъ, начиная бритьемъ бородъ и покроемъ кафтановъ, и восходя до политическаго и общественнаго быта и литературныхъ понятій и произведеній.

Разберемъ нѣкоторыя изъ сочиненій Б. Дельвига, написанныхъ въ древнемъ родѣ, дабы видѣть, справедливы-ли наши общія заключенія.

Идилліи, въ коихъ Русскій Авторъ представляетъ разныя сцены изъ пастушескаго вѣка, написаны вообще прекрасными стихами, но почти ни одна изъ нихъ не выдержана въ томъ характерѣ, какой надлежало-бы имѣть имъ всѣмъ. Напротивъ въ нѣкоторыхъ, напримѣръ въ *Титирѣ и Зоѣ*, мы не находимъ даже никакого склада. Любовники начертали на *двухъ платанахъ* свои имена, и въ старости, пришедши къ симъ деревамъ, увидѣли:

Чудо: пни ихъ, другъ къ другу склонясь, именами срослися.
Нимфы деревъ сихъ тайною силой именъ сочетавшись,
Нынѣ въ древѣ двойномъ вожделеньемъ на путника вѣютъ;
Нынѣ въ тѣни ихъ могила, въ могилѣ той Титиръ и Зоя.

И конецъ. Не правда-ли, что эшо *одни слова? Нимфы деревъ* должны быть Гамадріады, ибо суды-

ба Дріадъ никогда не зависѣла отъ деревьевъ: онѣ были только покровительницами оныхъ, и, еще болѣе, покровительницами лѣсовъ. Но Гамадріады обитали въ дубахъ, что доказываетъ самое имя ихъ, а не въ платанахъ, какъ говоритъ Авторъ; сверхъ сего, онѣ не могли вѣять *вожделеньемъ* на пушника, ибо всегда были существами уединенными. Какая-жь связь во всей этой идилліи? Къ чему послѣдній стихъ? Гдѣ тутъ древность — даже образовъ?

Цефизъ, идиллія, раздѣляется на двѣ половины: въ первой Авторъ обращается къ *Лидію*, говоритъ, что они съ нимъ должны когда нибудь сосшарѣться, и прибавляетъ:

Здѣсь *проходяшво* все: одна *непроходяшва* дружба!

Конечно, вѣра въ непреходящую дружбу, въ устахъ писателя девятнадцатаго вѣка, напоминаетъ вѣкъ золотой. Но Цефизъ вдругъ обратился къ *Филинту*,

Старца обнялъ, затворъ отшатнулъ, и ввелъ его въ садикъ.

Цефизъ былъ въ саду, слѣдовательно онъ *обнялъ* Филинта *черезъ затворъ*, а потомъ уже отшатнулъ оный. Это отчетливость не древняя.

Съ груши одной Филинтъ плоды вкушалъ и хвалилъ ихъ,
И Цефизъ ему весело молвилъ: «Пріятель! отнынѣ
Дерево это твое; а я отъ холодной мятели
Буду прилежно его укутывать теплой соломой.

Пусть оно для тебя и цвѣтетъ и плодомъ богатѣетъ!»
Но не филинту оно и цвѣло и плодомъ богатѣло:
Въ ту-же осень онъ умеръ. Цефизъ молилъ Жизнедавца
Такъ-же мирно *уснуть*, хоть и бѣднымъ, но добрымъ.
Подъ грушей
Старца онъ схоронилъ и холмъ увѣнчалъ кипарисомъ.
Часто слыхалъ онъ, когда простирала луна отъ деревьевъ
Влажныя, долгія *тѣни*, священное листьевъ шептанье;
Часто изъ гроба таинственный гласъ исходилъ — казалось,
Былъ благодарности гласъ онъ. И *небо давало* Цефизу
Много съ тѣхъ поръ и *грушъ* благовонныхъ и *гроздій* прозрачныхъ.

Это явный апокрифъ, а не древняя сказочка. Это Геснерова, а не Греческая идиллія. У древнихъ не было чувствованій и понятій, принадлежащихъ христіанскому міру. Но такъ вникаютъ новѣйшіе-древніе поэты въ тотъ міръ, въ который хотятъ они переселять своихъ читателей! Будемъ откровенны: мы понимаемъ, что всякій поэтъ, съ отличнымъ талантомъ, въ минуты *теплаго* расположенія души, можетъ перелетѣть въ Аркадію, и въ сіи минуты восторга переселить свои чувства въ идеальныхъ существъ. Такъ поступалъ и Гёте: онъ посвящалъ только *минуты* древнимъ своимъ помысламъ. И Пушкинъ написалъ нѣсколько превосходныхъ подражаній древнимъ. Въ *Купальницахъ*, въ *Друзьяхъ*, и въ нѣсколькихъ другихъ своихъ стихотвореніяхъ (не замѣчаемъ, что̀ заимствовано Ав-

торомъ нашимъ у другихъ писателей: онъ самъ хочетъ, чтобы на его сочиненія смотрѣли какъ на произведенія оригинальныя), Б. Дельвигъ соперничаетъ даже съ Пушкинымъ въ семъ родѣ стихотвореній; мы сами восхищаемся отдѣлкою упомянутыхъ его стихотвореній; но имѣть постоянное направленіе, думать, чувствовать какъ древніе — возможно-ли это для современнаго намъ писателя? Мы, взрослые люди, иногда любимъ порѣзвиться съ дѣтьми на зеленомъ лугѣ, или на мягкомъ коврѣ: но имѣть склонность быть дитятемъ, неестественно и несбыточно! Ясно, что мы нападаемъ на Барона Дельвига не за то, что онъ написалъ нѣсколько прекрасныхъ стихотвореній въ древнемъ родѣ (такія нападенія мы предоставляемъ Недоумкамъ), но упрекаемъ его за желаніе постоянно *быть древнимъ*: это неисполнимо и даже забавно. Представьте себѣ, на примѣръ: къ Б-ну Дельвигу пріѣхало трое друзей, и онъ *радуется* пріѣзду ихъ по-*древнему, Дивирамбомъ*:

О радость, радость, я жизнью бывалою
Снова дышу!
Трепещетъ лира:
Въ струнахъ позабытыхъ
Я звуковъ согласныхъ,
Я звуковъ живительныхъ
Въ восторгѣ ищу.

Гремитъ, какъ прежде, подруга безсмертная;
Други, ко мнѣ!
Опять доступенъ
Я смѣхамъ и пѣснямъ
И чашѣ, вѣнчанной

Минутными розами,
И сладкой любви.

Пришли три гостя въ обитель поэтову
Съ дальнихъ сторонъ:
Отъ Финновъ блѣдныхъ,
Ледяноволосыхъ;
Отъ Рейна старца;
Отъ *моря сыпучаго*
Азійскихъ песковъ.

Три гостя, съ дѣтства товарищи, спутники,
Братья мои!
За мной ко храму!
Я, плющемъ вѣнчанный,
При гимнахъ священныхъ
Кастору и Поллуксу
Хвалу воспою.

Не такъ-ли призывали боговъ и богинь эпическіе пѣвцы наши, Херасковъ, Грузинцовъ, etc. etc.? Вѣроятно, и Б. Дельвигъ не съ большею вѣрою слышалъ *громъ подруги безсмертной* и обѣщался пѣть хвалу Кастору и Поллуксу.

Давно хотѣлось намъ спросить еще у Гг. поэтовъ о нижеслѣдующемъ. Неужели они почитаютъ поэтическими произведеніями тѣ гексаметрическія двустишія, четырестишія и проч., какихъ нѣсколько находимъ мы и въ сочиненіяхъ Барона Дельвига? Напримѣръ:

Бѣдные мы! что нашъ умъ? Сквозь туманъ озаряющій факелъ
Бурей гонимый нашъ челнъ по морю бѣдствій и слезъ;

Счастіе наше въ невѣдѣньи жалкомъ, въ мечтахъ и безумствѣ:
Свѣчку хватаетъ дитя, юноша ищетъ любви.

Мысль самая обыкновенная; выражена совсѣмъ не поэтически; въ послѣднихъ двухъ стихахъ даже мало складу.

Еще примѣръ:

Эпитафія.

Жизнью земною играла она какъ младенецъ игрушкой.
Скоро разбила её: вѣрно ушѣшилась тамъ.

Еще:

Смерть.

Мы не смерти боимся, но съ тѣломъ разстаться намъ жалко:
Такъ не съ охотой мы старый смѣняемъ халатъ.

Такія двустишія и четырестишія не имѣютъ для насъ ни малѣйшей цѣны. Всякій умный человѣкъ (тутъ не нужно быть даже поэтомъ) напишетъ подобныхъ изрѣченій сколько вамъ угодно. У Грековъ они имѣли особенную цѣну: цвѣтокъ, дерево, ручей, дыханіе вѣтра, статуя, столбъ, для нихъ все было одушевлено, все имѣло свое значеніе; для насъ это простые предметы, имѣющіе свое значеніе только въ отношеніи къ великой Силѣ, приводящей ихъ въ гармонію. Слѣдственно, мы понимаемъ, когда Грекъ говоритъ:

Эвной воздвигнулъ здѣсь ликъ Надежды съ Немесой рядомъ.
Что знаменуютъ?... «Желай!...» «Скроменъ въ желаніяхъ будь!»

Здѣсь символъ, заключающій въ себѣ глубокій смыслъ. Или, вотъ примѣръ истинной *образности* и счастливой обдѣлки древняго искуства:

Лукъ искривленный съ колчаномъ въ твоемъ святилищѣ, Дилій,
Тимархъ привѣсилъ къ столбу, жертвуя ими тебѣ.
Стрѣлъ не принесъ онъ пернатыхъ: на полѣ кровавыя битвы,
Въ трупахъ остались враговъ грозны Арея дары.

Это навѣваетъ воздухомъ прелестной Эллады! Но для насъ такое выраженіе невозможно, ибо мы чувствуемъ и мыслимъ иначе, а форма всегда принимаетъ свой видъ отъ внутренней мысли. Поэзія не лѣпная работа: это живой плодъ фантазіи, творимый по неизмѣннымъ законамъ идеаловъ. Заключимъ сужденіе наше о подражаніи древнимъ стихотвореніямъ тѣмъ-же, чѣмъ мы начали оное: подражаніе сіе возможно для насъ только въ формѣ (здѣсь заключается и возможность переводить древнихъ поэтовъ); но оно непремѣнно будетъ холодно, мертво, если мы станемъ облекать свои идеалы цвѣтистыми древними выраженіями. Мы не можемъ быть въ царствѣ поэзіи младенцами; мы не должны подражать ни древнимъ, ни восточнымъ писателямъ въ ихъ олицетвореніяхъ, ибо такое подражаніе, будучи поверхностнымъ, весьма легко, увлекательно для пишущаго, но оно тяжело для его читателей и для хода отечественной литературы. Подражайте древнимъ такъ, какъ подражалъ имъ Шекспиръ въ своихъ Римскихъ трагедіяхъ, и понимайте изображаемыя вами страны и

предметы такъ, какъ онъ понималъ ихъ и выражалъ въ своихъ безсмертныхъ созданіяхъ. Но не думайте, чтобы Шекспирово описаніе смерти Офеліи можно было перенести въ Греческую идиллію, какъ сдѣлалъ это Б. Дельвигъ. Иначе поэзія наша будетъ ограничиваться одними словами и выраженіями.

Тѣмъ непоняшнѣе для насъ *древнее* направленіе поэзіи Барона Дельвига, шѣмъ досаднѣе оно, что Писатель сей обладаетъ дарованіемъ необыкновеннымъ. Мы уже замѣтили выше сего, что въ самыхъ *Геснеровскихъ* идилліяхъ своихъ (ибо мы не въ силахъ назвать ихъ *древними*), онъ бываетъ чрезвычайно прелестенъ. Но истинное сокровище для Русскаго читателя представляютъ Русскія пѣсни и *присказки* Б-на Дельвига. Здѣсь Авторъ нашъ, несвязанный чуждымъ вліяніемъ, не опутанный розовыми цѣпями Аркадіи, является во всей красѣ разгульнаго Русскаго народа, у котораго въ пѣсняхъ слышится грусть, и часто веселье оканчивается слезами. Никто лучше Барона Дельвига не воспользовался счастливою мыслью А. Ѳ. Мерзлякова, показавшаго намъ всю прелесть родныхъ нашихъ пѣсенъ. Г. Мерзляковъ заслуживаетъ быть славнымъ за свои Русскія пѣсни. Б. Дельвигъ состязается съ нимъ въ семъ родѣ поэзіи, и, по нашему мнѣнію, имѣетъ болѣе нѣжности, вкуса, и, сверхъ сего, онъ болѣе *Русскій человѣкъ* въ своихъ пѣсняхъ. Почитаемъ не нужнымъ выписывать здѣсь что либо для примѣра. Кто не знаетъ пѣсенъ Б. Дельвига, начинающихся словами: *На яву и въ сладкомъ снѣ — Соловей мой, соловей — Дѣ-*

душка! *дѣвицы*—и проч.? Это перлы Русской поэзіи! Отъ чего-же сердце наше бьется сильнѣе при чтеніи сихъ стихотвореній, нежели при звукахъ Французскихъ романсовъ, которые очень милы и могутъ Француза также растрогать до слезъ? Причина этого не совсѣмъ геройская: себялюбіе. Мы любимъ свою сторону, за тѣ благодѣянія и радости, какими она надѣляла и надѣляетъ насъ въ жизни; все, напоминающее намъ ее, напоминаетъ и былыя радости наши (ибо человѣкъ не злопамятенъ): вотъ отъ чего пѣсня тревожитъ родную ей душу, и вотъ тайна, которую поэты должны знать, чтобы двигать нашими сердцами. Какой Греческій пастухъ со своими Ликорисами и Хлоями можетъ плѣнить Рускаго такъ, какъ разсказъ о бѣлоликой дѣвушкѣ, въ хороводѣ, съ Русской пѣснью въ розовыхъ устахъ, выражающей любовь свою къ русоволосому юношѣ, первому мастеру въ деревнѣ попѣть и поплясать? Пора, пора глядѣть безъ предразсудковъ на предметы! Отъ чего историческія происшествія увеличиваются въ глазахъ нашихъ по мѣрѣ удаленія своего отъ насъ? Отъ того, что въ нихъ остается одно безсмертное: мысль, а мѣлочныя отношенія и темныя стороны, закрывавшія ее отъ современниковъ, исчезаютъ. Такъ и во всѣхъ предметахъ. Мы слишкомъ близки къ Русскому и потому не умѣемъ цѣнить его; сверхъ того, мы съ молокомъ всосали въ себя уваженіе и удивленіе ко всему чужеземному. Но и у насъ природа беретъ свое. Подъ рукою искуснаго писателя, Русскій міръ красуется не менѣе Греческаго, Британскаго, Итальянскаго и

Испанскаго. Уже Исторія Русская становится для насъ занимательнѣе всѣхъ чужеземныхъ; уже мы начинаемъ дорожить своимъ нравственнымъ достоинствомъ, и поэзія Русская уже пробуждаетъ въ насъ эстетическія чувства. Неужели Б. Дельвигъ, имѣющій всѣ права на участіе въ великомъ преобразованіи Рускихъ въ Рускихъ, въ раскрытіи имъ прекрасныхъ сторонъ Русскаго міра, неужели онъ промѣняетъ насъ на Грековъ, насъ, живыхъ соотечественниковъ, на могилы, богатыя воспоминаніями, славныя, вдохновительныя—но чуждыя намъ и не требующія нашего участія? Онѣ безсмертны, и имъ не нужно новаго воскресенія въ чуждомъ мірѣ.

Откровенно, искренно высказавъ Барону Дельвигу все, что лежало у насъ на душѣ, надѣемся, что мы угодили ему болѣе, нежели безусловные его хвалители. Можемъ ошибаться въ нѣкоторыхъ частныхъ нашихъ заключеніяхъ, но увѣрены въ истинѣ общей мысли, которую хотѣли выразить.

Мы должны еще упомянуть объ *альбомныхъ* стихотвореніяхъ Б. Дельвига, напечатанныхъ также въ семъ томѣ; но что можемъ сказать о нихъ, кромѣ того, что заключается въ нихъ самихъ: ничего новаго, замѣчательнаго. Въ сихъ стихотвореніяхъ Б. Дельвигъ стоитъ на ряду со многими Русскими поэтами. У него есть свой родъ: имъ долженъ онъ заниматься, его обрабатывать и только мимоходомъ кидать цвѣтки въ альбомы и въ древнія вазы.

Кс. П.

СОВРЕМЕННАЯ БИБЛІОГРАФІЯ.

Книги 1828 года.

— *Пожарскій*, трагедія въ трехъ дѣйствіяхъ. Сочиненіе М. Крюковскаго. *Третіе изданіе.* СПб. 1828 г., въ т. Экспедиціи заготовленія Государственныхъ бумагъ, 36 стр. in-8.

Трагедія *Пожарскій*, оставаясь донынѣ въ Русскомъ репертуарѣ, можетъ служить доказательствомъ нашей бѣдности въ семъ родѣ произведеній. Ужасныя драмы театральнаго отца нашего, Сумарокова, забыты всѣ, безъ исключенія; слѣдовавшія за ними, иногда густыя, иногда рѣдкія колонны Русскихъ трагедій, также преданы забвенію, и, изъ всѣхъ Русскихъ трагиковъ, одинъ Озеровъ успѣлъ умереть прежде своихъ изящныхъ созданій: *Эдипа, Фингала, Димитрія* и *Поликсены*. Крюковскій пользуется, на ряду съ нимъ, честію долголѣтія. Двадцать слишкомъ лѣтъ *Пожарскій* является, довольно часто, на театрѣ нашемъ, и вотъ уже въ третій разъ онъ напечатанъ. Публика-ли награждаетъ Крюковскаго сею почестью, или въ томъ участвуютъ какія нибудь постороннія обстоятельства? ибо у насъ есть примѣры и насильственной театральной жизни. Такъ пустѣйшія комедіи Князя Шаховскаго: *Новый Стернъ, По-*

лубарскія затѣи, и нѣкоторыя другія, играются на нашихъ театрахъ, въ продолженіе десяшковъ двухъ лѣтъ, на зло публикѣ, которая давно наскучила сими безцвѣтными, безжизненными созданіями. Но что-же дѣлать, если ее не хотятъ угощать чѣмъ нибудь другимъ? За невниманіе публики и театръ платитъ невниманіемъ къ ея требованіямъ. Совсѣмъ другія причины удерживаютъ на сценѣ трагедію *Пожарскій*. Имя героя сей трагедіи напоминаетъ намъ одно изъ величайшихъ событій въ нашей Исторіи, одно изъ шѣхъ дѣлъ, гдѣ Русскій народъ явился во всемъ благородствѣ своемъ, во всемъ величіи. Россія, казалось, забытая Небесами, *угнетенная*, *подавленная всякими бѣдствіями*, безъ руководства, безъ властителя, который-бы управлялъ ея дѣйствіями, сознала сама свою силу, свое достоинство, и возставила двухъ мужей, представителей всего ея могущества: *избраннаго отъ всея Русскія земли человѣка*, великаго, безсмертнаго Минина и героя Пожарскаго. Не знаешь, которому изъ сихъ двухъ геніевъ, спасителей Россіи, удивляться болѣе? Чему болѣе удивляться въ нихъ? Твердости-ли духа, силѣ ума и безграничному самоотверженію Минина, или мужеству, благородству и смиренію въ славѣ искуснаго вождя Пожарскаго? Оба сіи великіе мужа занимаютъ лучшія страницы въ нашей Исторіи; съ ихъ именами соединено все, для насъ драгоцѣнное: отечество. Такой предметъ, въ самомъ неискусномъ изображеніи, долженъ поражать умъ и возвышать душу, ибо онъ заставляетъ насъ гордиться достоинствомъ человѣка и гражданина

Русскаго. Здѣсь, по нашему мнѣнію, заключается и тайная сила, извлекающая рукоплесканія и производящая восторгъ при многихъ мѣстахъ трагедіи *Пожарскій*. Кто безъ сердечнаго волненія можетъ читать или слышать слѣдующія слова Пожарскаго:

Россія не въ Москвѣ: среди сыновъ она,
Которыхъ вѣрна грудь любовью къ ней полна!
Не тотъ Россіянинъ, кто славу забываетъ,
И гордое чело подъ иго преклоняетъ;
Но прямо Русскій тотъ, кто изъ дальнѣйшихъ странъ
Спѣшитъ подъ Царскій стягъ, въ нашъ ратоборный станъ.
Столица, сонмъ Бояръ, не въ градѣ семъ мятежномъ,
Но съ честью, вольностью, въ убѣжищѣ надежномъ:
На ратномъ полѣ... тамъ, гдѣ Россъ иль побѣдитъ,
Иль славной смертью жизнь позорну замѣнитъ.

Подобныхъ патріотическихъ мѣстъ въ сей трагедіи довольно. Ими она и поддерживается. Конечно, Крюковскій достигъ своей цѣли, если онъ написалъ картину драматическую, заставляющую соотечественниковъ его, въ продолженіе столькихъ лѣтъ, восхищаться. Но какъ произведеніе искусства, какъ трагедія, картина сія не выдержитъ ни малѣйшей критики, ибо все достоинство ея, что мы уже сказали, состоитъ въ томъ, что она вызываетъ великія воспоминанія объ одномъ изъ славнѣйшихъ дѣлъ нашей Исторіи. Дѣйствія въ сей трагедіи нѣтъ, и все ограничивается словами; ни одинъ характеръ не развитъ; ни одна страсть дѣйствующихъ лицъ не выражена. Но *Пожарскій*

напоминаетъ намъ объ отечествѣ, и довольно. Мы увѣрены, что пьеса сія долго еще будетъ играема на театрахъ Русскихъ, не смотря на то, что, кромѣ любви къ отечеству, въ ней все ложно и несвязно. Впрочемъ Крюковскій былъ хорошій стихотворецъ для своего времени, и если въ трагическихъ стихахъ его часто встрѣчается излишняя высокопарность, то это вина не его, а Французской школы, погубившей и Озерова и всѣхъ его послѣдователей.

Изданіе сей книжки очень хорошо. Приложенныя къ ней, заглавный листокъ и каршинка, изображающая избраніе на Царство Михаила, выгравированы прекрасно.

— *Извѣстія Россійской Академіи*, книжка двѣнадцатая. СПб. 1828 г., въ т. Россійской Академіи, 205 стр. in-8.

Въ книжкѣ сей помѣщены слѣдующія статьи: 1-е *О нѣкоторыхъ постановленіяхъ и происшествіяхъ въ Россійской Академіи.* Это выписки изъ протоколовъ Академіи, съ 27 Января 1823-го, по 17 Января 1825 года. 2-е *Краткія вѣдомости о денежныхъ суммахъ Академіи*, за 1823-й и 1824-й годы. 3-е *Списокъ Членамъ Академіи въ 1825 году.* 4-е *Опытъ Словаря по корнямъ.* Корень *Мр.* 5-е *Отчеты*, въ денежной казнѣ, золотыхъ и серебряныхъ дарикахъ и проч., *за* 1826-*й годъ.*

Книги 1829 года.

— *Начальныя правила Русской Грамматики.* Для благородныхъ воспитанниковъ Университетскаго Пансіона. Изданіе *седьмое.* М. 1829 г., въ т. Селивановскаго. 96 стр. in-12.

Отъ чего встрѣчаемъ мы въ Русскихъ книгахъ большое несогласіе касательно грамматическихъ правилъ? Отъ того, что у насъ одни до сихъ поръ еще слѣдуютъ Грамматикѣ Ломоносова, а другіе разнообразнымъ Грамматикамъ послѣдователей Ломоносова. Но не лучше-ли было-бы принять руководствомъ по сей части, въ учебныхъ заведеніяхъ, Грамматику Г. Греча, какъ совершеннѣйшую изъ всѣхъ донынѣ изданныхъ и разрѣшающую почти всѣ вопросы Грамматическіе? Тогда, черезъ одно поколѣніе, у насъ составились-бы общепринятыя правила, законы языка, совершенствуемые только въ частностяхъ и измѣняющіеся только временемъ. Напротивъ теперь, мы часто недоумѣваемъ въ такихъ правилахъ Грамматическихъ, кои надобно-бъ было разрѣшить себѣ еще во время десятилѣтняго возраста. Грамматика Г-на Греча должна-бъ быть введена въ общее употребленіе еще и потому, что она составлена весьма тщательно и не заключаетъ въ себѣ такихъ промаховъ и недосмотровъ, какіе находимъ во всѣхъ, рѣшительно во всѣхъ другихъ Русскихъ Грамматикахъ. Въ изданной *для воспитанниковъ Университетскаго Пансіона* (вѣроятно, *Московскаго*), встрѣчаемъ многое, что давно-бы должно было исправить. Замѣтимъ кое-что.

Стр. 5-я: «Первыя четыре (части рѣчи) измѣняются въ окончаніяхъ, а послѣднія четыре *не измѣняются.*» Заглядываемъ на 53-ю страницу сейже книжки, и въ числѣ *нарѣчій* видимъ слова: *поздно, рано, далеко, близко, худо, точно*, и проч. Эти слова принадлежатъ къ *послѣднимъ четыремъ* частямъ рѣчи, однако-жь они измѣняются; напримѣръ: *позднѣе, ранѣе, дальше, ближе, хуже, точнѣе.*

Тамъ-же: «*Прилагательное* изображаетъ свойство лица или *вещи.*» Слѣдственно въ изрѣченіяхъ: *мальчикъ шалунъ, часы съ курантами*, послѣднія слова суть прилагательныя?

Въ склоненіяхъ именъ большая путаница. Вмѣсто естественнаго раздѣленія склоненій на три отдѣла, ихъ насчитано пять: четыре для именъ и одно для прилагательныхъ. Для именъ неупотребительныхъ: *теля, поросл, осля*, составлено цѣлое склоненіе; а какимъ образомъ склонять слова: *теленокъ, жеребенокъ*, и вообще имена уменьшительныя, не сказано ни слова. Числительное имя *двое*, несправедливо названо мужескимъ и среднимъ, а о словахъ *двои, трои, четверы*, не упомянуто. У Г-на Грѣча это разсмотрѣно и приведено въ правила прекрасно.

Къ мѣстоименіямъ причислены всѣ, такъ называемыя, *притяжательныя*, и сверхъ того: *который, окый, самый.* У Г-на Греча они названы *прилагательными мѣстоименіями.*

Глаголъ объясненъ здѣсь точно такъ, какъ въ Граммашикѣ Ломоносова. Тутъ находимъ и *стра-*

даніе глагола, и остроумное, но недостаточное и невѣрное раздѣленіе глаголовъ на два спряженія, изобрѣтенное Смотрицкимъ (по второму лицу единств. числа, наст. времени, изъявительнаго наклоненія). Объяснять недостаточность сего раздѣленія почитаемъ не нужнымъ, потому что это давно и многими уже доказано.

Кто-бы могъ ожидать, что въ этомъ коротенькомъ руководствѣ къ Русской Граммашикѣ, помѣщены извѣстія, подобныя слѣдующему: «Россійская гражданская азбука составлена изъ Славянской, которая Моравскимъ Епископомъ Кирилломъ частію изобрѣтена, а частію занята изъ Греческаго алфавита (стр. 60-я).» Автору надлежалобы дорожить каждою строчкою; но онъ на 61-й стр. повторяетъ тоже, что говорилъ на 4-й, о гласныхъ, согласныхъ и полугласныхъ буквахъ. Такихъ повтореній найдется довольно много.

Правописаніе изложено весьма недостаточно, не отъ краткости, а отъ неопредѣленности правилъ. На примѣръ: «Въ глаголахъ, кончащихся на *ѣю*, и во всѣхъ отъ нихъ происходящихъ словахъ — пишется буква ѣ.» Во первыхъ, корень глаголовъ есть *неокончательное наклоненіе*, ибо дѣло идетъ не о Латинскомъ, а о Русскомъ языкѣ, Авторъже, какъ видно, почитаетъ корнемъ первое лицо изъяв. накл. наст. времени. Во вторыхъ, почему узнаетъ ученикъ, которые глаголы кончашся на *ѣю*? Наконецъ, развѣ есть глаголы, кончащіеся въ 1-мъ лицѣ на *ею*?

Въ сей книжкѣ правила Правописанія встрѣчаю-

ся и въ отдѣленіи Словопроизведенія. Напримѣръ, на стр. 22-й, находимъ слѣдующее: «*Прилагательныя* на *ый*, и съ предыдущими буквами г, к, х, на *ій*, перемѣняютъ окончанія свои на *ой*, когда употребляются въ простомъ слогѣ: *сильный, строгій, великій, ветхій*; простѣе: *сильной, строгой, великой, ветхой*.» Эта простота есть не иное что, какъ неправильность. И что значитъ *простѣе*? Въ одной Русской Грамматикѣ напечатано, что «должно писать *большой палецъ, вострой ножикъ*, потому, что не прилично было-бы писать *большій палецъ, острый ножикъ*.» Но все это только забавно, а не правильно. Для окончаній *ой, ій, ый*, есть правило, ясное и неизмѣняемое, объясненное въ первый разъ, кажется, Г-мъ Гречемъ, въ разборѣ Грамматики Россійской Академіи. Вотъ оно: «Въ словахъ сего рода, имѣющихъ удареніе на послѣднемъ слогѣ, писать *ой: глухой, слѣпой, хромой*, а во всѣхъ прочихъ (то есть въ коихъ нѣтъ ударенія на послѣднемъ слогѣ) *ый* или *ій*: *добрый, великій, ветхій, Русскій* (*Практ. Русская Грамматика*, стр. 524—525-я).»

Не касаемся Синтаксиса, помѣщеннаго въ сей книжкѣ, ибо, по нашему мнѣнію, его должно совершенно передѣлать.

Думаемъ, что книжка сія была написана въ первый разъ на-скоро, и донынѣ печатаемся безъ дальнѣйшаго пересмотра. По многимъ, заключающимся въ ней правиламъ видно, что въ сочиненіи оныхъ трудился знатокъ языка, которому надлежа-

ло-бы нынѣ тщательнѣе пересмотрѣть свой несовершенный трудъ.

— *Прибавленіе къ Замѣчаніямъ о Сибири.* Сенатора Карнилова. СПб. 1829 г., въ т. Крайя, in-8, отъ 104 до 137-й страницы, съ картою.

Въ прошедшемъ году мы извѣщали читателей нашихъ объ изданной Г-мъ Сенаторомъ Карниловымъ книгѣ; нынѣ онъ напечаталъ Прибавленіе къ оной, заключающее въ себѣ слѣдующія статьи: *О земледѣліи въ Сибири — О фабрикахъ — О разведеніи лѣсовъ, свойственныхъ Сибирскимъ грунтамъ, и о построеніи въ тамошнихъ степныхъ мѣстахъ избъ изъ окаменѣлой глины — Объ улучшеніи построенія казенныхъ судовъ въ Сибири — О Сибирскихъ трактахъ — О врачеваніи Сибирскихъ обитателей тамошними растеніями.* Въ сихъ статьяхъ почтенный Авторъ излагаетъ мысли свои объ улучшеніяхъ по означеннымъ предметамъ, и, въ доказательство справедливости своихъ заключеній, упоминаетъ о многихъ любопытныхъ событіяхъ. Осмѣлимся замѣтить одно: дороги по Иркутской губерніи были такъ хорошо устроены бывшимъ Иркутскимъ Губернаторомъ Г. Трескинымъ, что, кажется, онѣ требовали-бы только поддержанія, а не новаго устройства, ибо своею прочностью, удобствомъ и даже красотою, въ 1816 году онѣ были подобны знаменитому Петербургскому шоссе.

— *Памятники древней Христіанской Церкви или Христіанскихъ древностей,* съ описаніемъ: таинствъ, богослуженія, храмовъ, праздниковъ, постовъ, Іерархіи, разныхъ соборныхъ постановле-

ній и всѣхъ обрядовъ и обычаевъ, бывшихъ въ древней Христіанской Церкви, *составленные Иродіономъ Вѣтринскимъ. Томъ первый.* СПб. 1829 г., въ т. Департ. Народн. Просвѣщенія, X и 419 стр. in-8.

Чтобы показать читателямъ нашимъ цѣль сей книги, выписываемъ изъ предисловія Г-на Сочинителя слѣдующія строки:

«Предлагаемые благосклоннымъ читателямъ *Памятники*, не суть историческо-хронологическое изложеніе всѣхъ событій, въ непрерывномъ порядкѣ послѣдовавшихъ въ древней Христіанской Церкви: въ нихъ описываются всѣ древнія постановленія, обряды и обычаи первобытной Христіанской Церкви, приведенные подъ нѣкоторый общій обзоръ и сосредоточенные въ предѣлахъ первыхъ четырехъ или пяти вѣковъ Христіанства. Такимъ образомъ памятники сіи суть *полное* собраніе Христіанскихъ древностей, о коихъ *частныя* свѣдѣнія разсыпаны въ относящихся къ сему предмету твореніяхъ Каве, Арнольда, Пеарсонія, Гаммонда, Додвилля, Баронія, Габерта, Боны и другихъ. По отношенію къ таковой полнотѣ свѣдѣній и общему объему предметовъ, къ древностямъ Христіанскимъ относящихся, Бингамъ представилъ какъ-бы на одной картинѣ всю древность Христіанской Церкви.

«Долгомъ поставляю предувѣдомить читателя, что при составленіи предлагаемыхъ ему *Памятниковъ*, особенно старался я сдѣлать сію книгу полезною для читателей всякаго званія. Сообразно

съ сею цѣлію, упускалъ я изъ виду все то, что служитъ болѣе поводомъ къ утонченнымъ ученымъ спорамъ, нежели къ существу самаго дѣла.

«Какъ предлагаемые мною *Памятники* суть книга въ своемъ родѣ новая на нашемъ отечественномъ языкѣ, то надѣюсь, что благосклонный читатель проститъ мнѣ тѣ недостатки, которые найдетъ въ сей книгѣ, уваживъ цѣль сего посильнаго моего труда, состоящую въ томъ, чтобы составленіемъ оныхъ *Памятниковъ* доставить хотя малую Христіанскую пользу любезнымъ соотечественникамъ.»

Мы увѣрены, что всѣ, умѣющіе цѣнить важность Церковной Исторіи, будутъ благодарны почтенному Г. Вѣтринскому за его книгу, которая такъ достопримѣчательна, что если-бы въ ней и нашлись какіе либо недостатки, то читатели извинятъ ихъ, сообразивъ многотрудность предпріятія. Въ семъ первомъ томѣ, раздѣленномъ на двѣ части, заключаются слѣдующіе отдѣлы, которые Г. Сочинитель назвалъ книгами: *Книга 1-я*, О Христіанахъ вообще, и въ особенности о ихъ различныхъ наименованіяхъ, различіи, степеняхъ оглашенныхъ, мірянъ и клира; *Книга II-я*, О различныхъ степеняхъ клира въ первобытной Церкви; *Книга III-я*, О нисшихъ степеняхъ клира въ первобытной Церкви; *Книга IV-я*, О избраніи и посвященіи клира и особенныхъ качествахъ посвящаемыхъ; *Книга V-я*, О преимуществахъ, увольненіи отъ податей и доходахъ клира въ первобытной Церкви; *Книга VI-я*, О разныхъ законахъ и правилахъ относительно должностей, жизни и пове-

денія древняго клира.—Въ слѣдующихъ томахъ сего сочиненія будутъ заключаться слѣдующіе предметы: Томъ 2-й, *Книга VII-я*, Объ Аскетахъ въ первобытной Церкви; *Книга VIII-я*, О древнихъ храмахъ, ихъ различныхъ частяхъ, сосудахъ, освященіяхъ и проч.; *Книга IX-я*, Объ оглашенныхъ и первоначальномъ употребленіи церковнаго символа; *Книга X-я*, О таинствѣ крещенія; *Книга XI-я*, О таинствѣ муропомазанія и другихъ священнодѣйствіяхъ, послѣдовавшихъ за крещеніемъ, прежде нежели крестившіеся приступали къ евхаристіи. Томъ 3-й, *Книга XII-я*, Общія примѣчанія о Богослуженіи древней Церкви; *Книга XIII-я*, О литургіи оглашенныхъ; *Книга XIV-я*, О литургіи вѣрныхъ.—Томъ 4-й, *Книга XV-я*, О единеніи и благочиніи древнія Христіанскія Церкви; *Книга XVI-я*, О судопроизводствѣ надъ клиромъ древней Христіанской Церкви; *Книга XVII-я*, О таинствѣ покаянія; *Книга XVIII-я*, О разрѣшеніи или возвращеніи кающихся къ общенію Церкви. Томъ 5-й, *Книга XIX-я*, О праздникахъ въ первобытной Христіанской Церкви; *Книга XX-я*, О постахъ древнія Христіанскія Церкви; *Книга XXI-я*, О таинствѣ брака; *Книга XXII-я*, О таинствѣ елеосвященія, обрядахъ погребальныхъ, или обычаѣ и способѣ погребенія мертвыхъ въ древней Христіанской Церкви.

— *О различныхъ мнѣніяхъ объ Изящномъ.* Разсужденіе на степень Магистра, Кандидата Ивана Средняго—Камашева. М. 1829 г., въ Университетской т. 57 стр. in-8.

Это Разсужденіе основано все на явныхъ противорѣчіяхъ: Сочинитель торжественно отвергая Философію, какъ науку, совершенно чуждую его предмету, говоритъ между тѣмъ о Баумгартенѣ, котораго онъ не могъ избѣгнуть, какъ основателя самой Эстетики, и который однакожь потому только и сдѣлалъ изъ Эстетики науку, что внесъ свой философскій взглядъ въ ея область; говоритъ о Платонѣ, о Баттё, о Бурке, о Лессингѣ, о Кантѣ. Развѣ они не были философами? Развѣ, по крайней мѣрѣ, они не были подъ вліяніемъ современной имъ Философіи? Удивляемся, какъ Сочинитель, здраво впрочемъ разсуждающій въ отношеніи къ частностямъ своего предмета, умѣлъ впасть въ такую странную погрѣшность! Ужели имя Философіи такъ ужасно подѣйствовало на его умъ, что онъ пожертвовалъ и истиною и смысломъ своего Разсужденія, основавъ его на одной фразѣ, состоящей изъ словъ, не имѣющихъ ни какого значенія; ибо любопытно было-бы знать, кто пойметъ слѣдующій возгласъ противъ Философіи:

Стр. 4-я. «Здѣсь не будемъ мы вступать въ изслѣдованіе тѣхъ мнѣній объ Изящномъ, которыя происходя отъ *своенравной* наклонности умовъ къ умозрѣнію (!), теряются въ умствованіяхъ неопредѣлительныхъ и ложныхъ, и проч.»

Да развѣ Эстетика не есть отрасль Философіи, и слѣдственно умозрѣнія въ періодѣ Философіи умозрительной? Напротивъ того, все Разсужденіе Сочинителя должно было-бы основываться на исторіи

Философіи, которая, какъ видно изъ его-же мыслей, не чужда ему, потому что Эстетика есть наука, въ которой разсуждается и разсуждается по началамъ, а всѣ начала получаютъ бытіе свое отъ воззрѣній Философіи, что весьма справедливо замѣчено было ему однимъ изъ возражавшихъ на диспутѣ. И о Шеллингѣ ни слова! Объ этомъ знаменитомъ человѣкѣ въ исторіи Философіи и самой Эстетики, потому что онъ образовалъ Сольгера, Бахмана, Лудена, Гёрреса, отличнаго по свѣтлымъ мыслямъ, изложеннымъ въ его *Афоризмахъ*. Какъ это объяснить? На счетъ частностей въ этомъ Разсужденіи, мы не скажемъ ничего, потому что въ ономъ вездѣ отдѣльныя мысли и критика мнѣній объ Изящномъ имѣютъ свое достоинство, кромѣ тѣхъ мѣстъ, гдѣ несообразность плана необходимо должна была выражаться. И это-то особенно странно! Простительно слѣпому наткнуться на уголъ, но зрячему...? непонятно!...

М. Л.

— *Стихотворенія Александра Пушкина.* Первая часть. СПб. 1829 г., въ т. Деп. Народн. Просв. 224 стр. in 8.

Объявляя о выходѣ въ свѣтъ втораго изданія первой главы *Онѣгина*, мы мимоходомъ замѣтили, что если такъ смотрѣть на знаменитыхъ древнихъ авторовъ, какъ смотрятъ на Пушкина Русскіе классики, то и классическія произведенія покажутся картинами, изображающими рѣзню, бойню,

безнравственность, и проч. и проч. Противъ замѣчанія нашего возвысили голосъ не только педанты Русскіе, но и люди, столько-же знакомые даже съ Латинью, сколько съ поэзіею баснословной Аглаиниды. Близорукіе назвали насъ варварами, неблагодарными, непонимающими высоты древнихъ авторовъ. Слѣдственно цѣль наша достигнута. Противники наши осудили *свой взглядъ*, ибо мы пишемъ въ себѣ величайшее, неизмѣнное уваженіе къ древнимъ авторамъ, составляющимъ драгоцѣннѣйшее наслѣдіе просвѣщеннаго міра: въ статьѣ объ Онѣгинѣ мы показали только, какъ ложенъ взглядъ нашихъ судей, видящихъ въ сочиненіяхъ Пушкина рѣзню и соблазнительныя картины; въ примѣненіи къ древнимъ, взглядъ сей явился во всей своей ложности. Такъ легко имѣть дѣло съ нашими литтературными судьями! Совѣтуемъ имъ впредь быть осторожнѣе.

Новое доказательство противъ осуждающихъ Пушкина находится передъ нами: это первый томъ полнаго собранія мѣлкихъ его стихотвореній.

Если человѣкъ можетъ гордиться чѣмъ либо, то конечно своею способностью совершенствоваться. Исторія человѣчества есть не иное что, какъ исторія его совершенствованія: только оно и отличаетъ насъ отъ всѣхъ другихъ существъ. Нашъ Русскій Поэтъ со славою поддерживаетъ достоинство своего народа въ кругу человѣчества. Какой шагъ сдѣлалъ онъ самъ, и заставилъ сдѣлать другихъ, со времени своего появленія на литтературномъ поприщѣ! Говорятъ, что въ первыхъ сво-

ихъ стихотвореніяхъ онъ такъ-же хорошъ, какъ въ послѣднихъ; касательно стихосложенія, это нѣкоторымъ образомъ и справедливо. Природа наградила Пушкина такою гармоническою душою, что съ самыхъ юныхъ лѣтъ своихъ, онъ не могъ писать дурныхъ стиховъ. Но поэтическій даръ его, его взглядъ на предметы, его обзоръ, во время пятнадцатилѣтней службы Музамъ увеличился удивительно. Живая, пламенная душа его, глубокая проницательность ума, необыкновенная способность и ненасытимое стремленіе его къ ученію, оправдываютъ Русскую поговорку, что человѣкъ можетъ, по крайней мѣрѣ нравственно, *расти не по годамъ, а по часамъ* (*). Пушкина можно назвать нынѣ однимъ изъ просвѣщеннѣйшихъ людей въ Россіи, и вмѣстѣ первымъ поэтомъ своего народа.

Изданная нынѣ часть Стихотвореній особенно любопытна потому, что въ ней стихотворенія сіи помѣщены по годамъ сочиненія оныхъ, начиная отъ 1815 по 1825-й годъ. Это исторія впечатлѣній нашего Поэта. Здѣсь можно наблюдать, что, когда и какъ поражало и волновало его. Наслажденіе удивительное — наблюдать ходъ человѣка, отличеннаго геніемъ! Не говоримъ о прелестии стихъ

(*) Въ послѣдніе годы Пушкинъ выучился Англійскому языку—кто повѣритъ тому?—въ четыре мѣсяца! Онъ хотѣлъ читать Байрона и Шекспира въ подлинникѣ, и черезъ четыре мѣсяца читалъ ихъ по-Англійски, какъ на своемъ родномъ языкѣ.

сочиненій: кому неизвѣстны они? Читатели не найдутъ здѣсь ничего незнакомаго имъ, но найдутъ одну изъ тѣхъ книгъ, которыя можно уподобить другу: чѣмъ болѣе мы узнаемъ его, тѣмъ сильнѣе привязываемся къ нему.

Съ нетерпѣніемъ ждемъ появленія втораго тома Стихотвореній Пушкина. Изданіе перваго тома весьма хорошо.

— *Терпи казакъ, атаманъ будешь.* Стихотворная повѣсть. СПб. 1829 г., въ т. Департ. внѣшн. торговли, in 8, 144 стр.

Говорятъ, что Египетскіе гіероглифы хранятъ въ себѣ всю мудрость человѣческую; но, не умѣя читать оныхъ, нельзя подтвердить сего мнѣнія. Вотъ почему, находя въ сей повѣсти хорошіе, гладкіе стихи, и иногда остроуміе, мы не понимаемъ *общности* сего сочиненія.

— *Добродѣтельныя женщины въ древности.* Сочиненіе Плутарха, переведенное съ Греческаго Иваномъ Маршыновымъ. СПб. 1829 г., въ т. Деп. Народн. Просвѣщенія, in 12, 80 стр.

Сочиненіе, замѣчательное только по имени Плутарха. Слогъ Г-на Переводчика извѣстенъ.

— *Дѣтскія стихотворенія* Бориса Федорова, СПб. 1829 г., въ т. А. Смирдина, in 16, V и 240 стр.

Заглавіе сей книги совершенно соотвѣтствуетъ ея содержанію.

Русскій Театръ.

Бенефисъ Г-жи Ворониной-Ивановой.

По обыкновенію, мы всегда выставляемъ въ заглавіи названія піесъ, изъ коихъ составленъ былъ бенефисъ. На сей разъ мы не можемъ выполнить сей обязанности, потому что никто не знаетъ, изъ чего именно было составлено представленіе 7-го Іюня 1829, данное въ пользу первой танцовщицы Гжи Ворониной-Ивановой. На длинной бенефисной аффишѣ объявлены были: комедія, *Дядя соперникъ*; водевиль, *Два Гусара*; балетъ, *Зефиръ и Флора*; водевиль (encore un!), *Минета, или кошка, превращенная въ женщину*, и разнохарактерный или безхарактерный дивертисманъ: *Сельскій праздникъ*. Вмѣсто сего были даны, *по видимому* комедія: *Мужъ и любовникъ*, потому что нѣсколько явленій оной, въ коихъ заключалась завязка, были отставлены, вѣроятно за неспособностію или за старостію. — Зрители очень любопытны были посмотрѣть, какъ кошки превращаются въ женщинъ, но вмѣсто сей метаморфозы были они уподчиваны старинными проказами актрисы Троепольской. Впрочемъ публика не слишкомъ была строга къ симъ перемѣнамъ, по двумъ причинамъ: 1-е потому, что собраніе зрителей было не многочисленно, 2-е потому, что балетъ: Зефиръ и Флора, вознаградилъ за потерю всѣхъ возможныхъ водевильныхъ красотъ.

Зефиръ и Флора, Анакреонтическій балетъ сочиненія очарователя Дидло! Кому изъ просвѣщенныхъ

людей въ цѣлой Европѣ не извѣстно, хотя по слухамъ, это знаменитое произведеніе достойнаго ученика славнаго Новерра? (*) Кто изъ образованныхъ Россіянъ не читалъ диѳирамба на сей балетъ, воспламенившій угасающій геній безсмертнаго Державина? Наконецъ мы дождались представленія сего изящнаго произведенія, на великолѣпной сценѣ Большаго театра. Но, увы! оно похоже было на литографированный эстампъ, подъ коимъ подписано: Correggio pinxit! Не было ни изумляющихъ машинъ, ни блестящихъ декорацій, коими во дни оны замысловатый *Корсини* способствовалъ къ хорошей выставкѣ славнаго произведенія поэта-балетмейстера. Даже нѣкоторыя прекрасныя сцены были выпущены по неудобству выполненія оныхъ; со всѣмъ тѣмъ, да не подумаютъ читатели, чтобы представленіе было недостойно Императорскаго Театра. Напротивъ, всѣ видѣвшіе сей балетъ въ лучшее время, съ удовольствіемъ смотрѣли на оный и нынѣ, не обращая вниманія на излишнюю бережливость, съ коею онъ былъ обставленъ и въ которой нельзя винить Дирекцію. Публика наша требуетъ новаго, а къ старому хорошему она равнодушна, потому только, что это старое. Упот-

(*) Балетъ: Зефиръ и Флора, играется на всѣхъ знатнѣйшихъ Европейскихъ театрахъ. Это первое и лучшее произведеніе знаменитаго Дидло восторжествовало надъ всѣми закулисными интригами (чему нѣкогда и мы были свидѣтелями) и всегда было принимаемо образованною публикою съ восхищеніемъ, упрочившимъ славу неподражаемаго сочинителя.

ребивши въ лѣтнее время десятки тысячъ на обстановку хорошаго, но уже извѣстнаго зрѣлища, театральная касса потерпѣла-бы значительный убытокъ. Сверхъ того, Московская публика не слишкомъ избалована блестящими представленіями!.... Довольно того, что искуство нашей балетной труппы принудило забыть скудость декорацій и машинъ. И подлинно! Еслибы самъ Дидло былъ въ спектаклѣ, то вѣроятно съ восторгомъ смотрѣлъ бы на Зефира-Ришарда, на Флору Воронину-Иванову и на прелестнаго Амура-Санковскую. Искуство бенефиціянтки уже всѣмъ извѣстно. Скажемъ только, что на этотъ разъ, она, похитивши крылья рѣзваго Зефира, по видимому прикрѣпила ихъ къ своимъ ногамъ. Легкость и проворство необычайныя! Въ добавокъ къ тому, природная грація прекрасной танцовщицы почти напоминала въ ней славную *Госселенъ*, которую мы видѣли въ этой роли.—Г-нъ *Ришардъ* б. былъ настоящій Зефиръ, и долгъ справедливости обязуетъ сказать, что онъ выполнилъ свою роль лучше нежели танцоръ *Альбертъ*, занимавшій оную въ Парижѣ (*). Малютка Санковская и безъ крылышекъ была-бы похожа на Амура. Вообще вся балетная

(*) Обязавшись давать отчетъ о спектакляхъ, достойныхъ вниманія публики, и талантахъ нашихъ Артистовъ, долгомъ себѣ поставляемъ посвятить нѣсколько строкъ Г-ну Ришарду, иностранцу, который полюбилъ наше отечество и не упускаетъ ни малѣйшаго случая быть полезнымъ нашимъ соотечественникамъ по части своего искуства. Кромѣ рев-

труппа удовлетворила-бы требованіямъ самаго взыскательнаго знатока. Послѣдняя, движущаяся, или, лучше сказать, живая декорація, составленная изъ всѣхъ существъ фантастическаго міра древнихъ Грековъ, была въ полномъ смыслѣ прекрасна. Эта самая прелестная картина заставила Державина признаться, что его пылкое піитическое воображеніе не могло-бы изобрѣсти ничего подобнаго!...

Скажемъ кое-что о новомъ водевилѣ: *Два Гусара, или женихъ въ халатѣ.* Это довольно забавная и остроумная бездѣлка, которая была разыграна очень хорошо, не смотря на то, что по болѣзни Г-на Живокини, другой актеръ, наскоро выучившій его роль, не рѣдко сбивался. Дѣвица *Куликова* была прелестна въ роли ловкой субретки. Радуемся сему появленію на сценѣ юнаго таланта, но совѣтуемъ молодой актрисѣ остерегаться отъ чада преждевременныхъ и еще не вполнѣ заслуженныхъ похвалъ. Талантъ долженъ созрѣть, такъ

ностнаго и всегда похвалъ достойнаго исполненія своей должности на сценѣ, Г-нъ Ришардъ занимается образованіемъ балетной труппы. Его малолѣтные ученики: *Самаринъ* и *Карасевъ меньшой*, воспитанники Театральной Школы, своими необыкновенными способностями обратили на себя особенное вниманіе, и публики, и Г-на Ришарда, заботящагося объ усовершеніи сихъ юныхъ талантовъ. Со временемъ они могутъ быть достойными преемниками искуснаго ихъ учителя. Именемъ всѣхъ просвѣщенныхъ людей благодаримъ Г-на Ришарда за его службу на Императорскомъ Московскомъ Театрѣ.

какъ и все живущее.—Гг. *Сабуровъ* и *Ленскій* прекрасно сыграли роли двухъ удалыхъ гусаровъ. Г-нъ *В. Степановъ*... Но нѣшъ! не будемъ упоминашь о немъ!—

В. У.

Г-ну РАИЧУ-АМФИТЕАТРОВУ.

Вы принадлежите къ числу тѣхъ людей, съ которыми не льзя, уважая самого себя, входить въ состязанія. Вотъ почему я ошвѣчалъ однимъ презрѣніемъ на многія оскорбительныя выходки, напечатанныя противъ меня въ вашей *Галатеѣ*. Но въ 23-й книжкѣ сего Журнала вы оскорбили посторонняго вамъ и мнѣ человѣка. Я принужденъ объясниться съ вами, ибо поводомъ къ упомянутому оскорбленію было Замѣчаніе, напечатанное въ издаваемомъ мною Журналѣ.

Г-нъ Борхардшъ просилъ меня извѣстишь публику, что напечатанная въ *Вѣнскомъ Модномъ Журналѣ статья* о Телеграфѣ, писана не имъ. Онъ долженъ былъ сдѣлать это, потому что пользуясь уваженіемъ многихъ литтераторовъ Нѣмецкихъ, не хотѣлъ, чтобы его почли сочинителемъ статьи, не согласной съ его образомъ мыслей. Уваженіе Нѣмецкихъ литтераторовъ къ Г-ну Борхардту доказываютъ полученныя имъ въ разное время отъ редакцій журналовъ Eos, Morgenblatt, Abendzeitung, и отъ Митавскаго Литтературнаго Общества, приглашенія, участвовать въ издаваемыхъ ими жур-

налахъ, статьями о Россіи. Напечатанное въ *Московскомъ Вѣстникѣ* прошедшаго года письмо Гёте (о которомъ вы, я думаю, слыхали) къ Г-ну Борхардту, можетъ также показать вамъ, какъ смотрятъ просвѣщенные Нѣмцы на труды его. Я вѣрю, что образованные люди и правила ихъ вамъ неизвѣстны; однакожь, послѣ сказаннаго мною, вамъ должно быть понятно желаніе Г-на Борхардта объявить, что *не онъ* сочинитель упомянутой статьи, которую незнающіе его образа мыслей могли приписать ему, потому только, что *онъ одинъ изъ живущихъ въ Москвѣ литтераторовъ извѣстенъ публикѣ нашей помѣщеніемъ статей о Россіи въ Нѣмецкихъ журналахъ.* Назовите кого нибудь другаго, пользующагося сею извѣстностію! Но вы, во всякомъ, даже неизвѣстномъ вамъ человѣкѣ, думаете видѣть свой образъ мыслей: не удивительно, что послѣ сего вамъ во всемъ грезится мерканшльность, отношенія, пристрастіе, и что у васъ вездѣ *рука руку моетъ.* Прекрасныя правила! Но до чего они довели васъ!... Отреченіе Г-на Борхардта отъ переведенной вами изъ Вѣнскаго Моднаго Журнала статьи, показалось вамъ досадно: въ 22-й книжкѣ *Галатеи*, вы, самымъ грубымъ тономъ, сказали, что не *Г-ну Борхардту судить о литтературныхъ предметахъ.* Но, вѣдь вы не знаете Г-на Борхардта, не знаете его литтературныхъ трудовъ и свѣдѣній: вы сами объявили это. Какъ-же вы осмѣливаетесь судить о томъ, что вамъ совершенно неизвѣстно? Здѣсь видны только ваша дерзость и безстыдство — далѣе

увидятъ читатели, что вы умѣли это-же смѣшат
съ невѣжествомъ.

Вы вздумали поболѣе *разгуляться* на счетъ не
извѣстнаго вамъ лица. Въ 23-й книжкѣ *Галате*
вы говорите, что нашли ключъ къ объявленію
Г-на Борхардта, что Г-нъ Борхардтъ объявилъ
себѣ въ Телеграфѣ потому, что онъ-же напечаталъ в
Эстонѣ спашью *о Коммерческой Академіи*. Хоро
ша Логика! N. N. печатаетъ *объявленіе о себѣ*
потому что *онъ пишетъ объ Академіи*. Вы дѣй
ствительно похожи на того механика, которы
никакъ не могъ открыть ларчика, *а ларчикъ про
сто открывался!* Вы подозрѣваете тутъ Бог
знаетъ что, а въ самомъ дѣлѣ Г-нъ Борхардт
сдѣлалъ объявленіе, желая оградить себя отъ не
пріятнаго нареканія, что ясно сказано въ Замѣча
ніи, напечатанномъ въ Телеграфѣ. Гдѣ-же вы на
шли свой фальшивый *ключъ?* Ключъ этотъ есть
вашъ собственный образъ мыслей, а это ключ
фальшивый для людей благомыслящихъ.

Въ отчетѣ Г-на Борхардта о годичномъ *Тор
жествѣ Коммерческой Академіи*, напечатанномъ в
Эстонѣ, вы увидѣли только *похвалу* мнѣ, читав
шему рѣчь *О невещественномъ капиталѣ*. Но разв
должно у васъ спрашиваться, если кто нибудь хо
четъ что-либо похвалить, и неужели всякая по
хвала есть свидѣтельство подкупа, подлога., за
говора? Не стыдно-ли такъ думать вамъ, шворец
плаксивыхъ элегій, нѣжныхъ романсовъ, томных
пѣсенокъ? Г-нъ Борхардтъ писалъ съ похвало
о вашемъ переводѣ Іерусалима, въ Обозрѣніи Рус
ской Литтературы 1827 года, напечатанномъ в

Тюбингенскомъ Literatur-Blatt. Неужели и тутъ
ылъ умыселъ, стачка, неблагонамѣренность? Но
идно вы предполагаете равное своему невѣжество
и въ читателяхъ своихъ; посему только могли вы
редставить имъ въ нелѣпомъ переводѣ часть упо-
янутаго *отчета* Г. Борхардта. При переводѣ
шомъ вы приложили и подлинникъ; слѣдственно,
то избавляетъ меня отъ труда доказывать, что
еревод вашъ есть не иное что, какъ каррика-
тура. Предположимъ однакожь, что нелѣпость пе-
ревода произошла отъ невѣжества; но какое право
мѣли вы, основавшись на своемъ невѣжествѣ,
скорбить неизвѣстнаго вамъ человѣка?

У Г-на Борхардта сказано: « Nun erchien aber auf
em Catheder ein Mann, ein Bürger im edelsten Sinne
les Wortes, dessen Stimme in einer solchen *Aula* zu ver-
ehmen uns noch nie vergönnt ward, etc. » Вы переве-
и это слѣдующимъ образомъ: « Наконецъ явился
а каѳедрѣ мужъ, гражданинъ въ благороднѣйшемъ
наченіи сего *слова, коего голосъ* никогда еще не
давалось слышать намъ въ такомъ *Аулѣ*. » Тутъ
ы восклицаете: « *Въ Аулѣ*? слѣдовательно, по
мнѣнію Г-на Борхардта, Россія въ просвѣщеніи
стоитъ на одной точкѣ съ Черкесами, а Рускіе
тоже, что варвары Чеченцы и Абхазы! Г. Бор-
хардтъ! Вы живете въ Россіи; ей, можетъ быть,
обязаны вы своимъ образованіемъ и благосостоя-
ніемъ; въ ней, безъ сомнѣнія, нашли вы гостепрі-
имный пріютъ, радушіе, ласку; Русскій Журна-
листъ прославляетъ васъ во всѣ концы вселен-
ныя — а вы чѣмъ воздаете за сіи блага? Это не-
благодарно, М. Г. И. Г. Полевой, у патріотиче-

«скаго своего сердца грѣешь подобныхъ пасынковъ Россіи!!.» Пишите, Г. Раичъ! пишите; расхолодите гнѣвъ вашъ хотя водою вашего перевода Тассовой поэмы! Что вы это говорите? На чемъ основываете вы свои оскорбительныя укоризны? На словѣ: Aula? Узнайте-же, что это слово значитъ не *аулъ*, какъ вы полагаете. Это слово не Черкесское, не Чеченское и не Абхазское, а Латинское, означавшее у Римлянъ *дворецъ, дворъ Императорскій*, и проч., у новыхъ-же Нѣмцовъ оно принято и употребляется въ смыслѣ *святилища наукъ, храма просвѣщенія* и вообще залы торжественныхъ собраній ученыхъ обществъ. Не понимаете? Не вѣрите? Попросите того человѣка, который переводилъ вашу статью для *Вѣнскаго Журнала*, растолковать вамъ смыслъ слѣдующихъ словъ, выписываемыхъ мною изъ Intelligenzblätter der Jenaischen allgem. Literatur-Zeitung, 1825 г. N° 61-й. Тамъ, въ статьѣ Universitäten-Chronik, на страницѣ 484-й, сказано: «Die Universität, welche den Tag vorher, nach einem von dem Professor der Beredsamkeit verfassten Einladungs-Programm, durch feierliche Zusammenkunft zu einer von demselben Professor in der *akademischen Aula* gehaltenen Rede und nachher zu einem festlichen Mahl, einstimmig bewahrheitet hatte, etc.» Здѣсь дѣло шло о предметѣ важнѣйшемъ: о поздравленіи Великаго Герцога Саксенъ-Веймарскаго съ пятидесятилѣтнимъ юбилеемъ его государствованія. Подобныхъ примѣровъ можно привести множество. Сверхъ сего, если-бы вы имѣли хотя малѣйшее понятіе о Нѣмецкомъ языкѣ, то знали-бы, что Нѣмцы принимаютъ въ свой языкъ слова иноязычныя, ни сколько не измѣняя

оныхъ, слѣдовательно Черкесскій *Аулъ*, взятый съ Русскаго, былъ-бы по Нѣмецки написанъ Aul, а не Aula. Вы переводите Латинскихъ Авторовъ, а не знаете самаго обыкновеннаго Латинскаго слова — Aula, и почитаете его Чеченскимъ, или Абхазскимъ? Невѣжество непостижимое!... Видите-ли однако-жь, Г. Ранчъ, что Г. Борхардтъ и не думалъ Россію называть *Аулом*ъ, а говорилъ о *Коммерческой Академіи* и назвалъ ее *святилищем*ъ *просвѣщенія*. Какъ-же осмѣлились вы, въ слѣдствіе своего невѣжества, клеветать небылицу на человѣка благородно-мыслящаго, въ чемъ я долженъ увѣрять васъ, потому что вы не знаете сего человѣка! Вы называете Г-на Борхардта *пасынком*ъ *Россіи* и почитаете его какою-то залетною птицею; узнайте-же, что онъ *Русскій подданный, родился въ Россіи, состоитъ въ Россійской Государственной службѣ* и донынѣ находится преподавателемъ Нѣмецкаго языка въ Московскомъ Университетскомъ Благородномъ Пансіонѣ. Я всегда готовъ согрѣвать у сердца своего всякаго благороднаго, желающаго блага Россіи иностранца, но къ счастію Г. Борхардтъ не имѣетъ нужды въ этомъ, будучи столько-же Рускій, какъ и вы. Сами вы, своими двумя фамиліями (*Ранчъ—Амфитеатровъ*) не похожи на Рускаго; но какой порядочный человѣкъ станетъ васъ упрекать за то? Будьте вы Сербъ, Волохъ (какъ говорятъ о васъ многіе), Ташаринъ, получите другую фамилію свою въ Семинаріи — до этого никому нѣтъ ни малѣйшей нужды.

Но вы привыкли въ Журналѣ своемъ выказывать

непрямодушіе, соединенное съ невѣжествомъ. За послѣднее могутъ жаловаться на васъ литтераторы и читатели ваши, а первое даже не подлежитъ литтературному суду, и, къ сожалѣнію, заставляетъ входить совсѣмъ не въ литтературныя объясненія. Или вы непремѣнно хотите, чтобы оскорбленія ваши дали случай кому нибудь сослаться не на литтературный кодексъ, а на Уставъ Благочинія, какъ-то сдѣлалъ, говорятъ, когда-то, одинъ литтераторъ съ другимъ?

Не указывая на другія ваши, дѣтскія, но безвредныя ошибки въ переводѣ статьи Г-на Борхардта, я долженъ упомянуть еще о слѣдующемъ.

За деньги или безъ платы напечатано въ Эстонѣ извѣстіе объ Академическомъ Торжествѣ — на это долженъ и будетъ отвѣчать вамъ Г. Издатель Эстоны. Замѣчу только, что въ намекахъ вашихъ вездѣ видна неблагонамѣренность и забвеніе приличій и благопристойности. Вы вездѣ видите *плату, деньги, пристрастіе, скопъ и заговоръ*! Не судите по себѣ. Только вы могли утверждать, что я перепечаталъ у васъ стихи *Видѣніе Валтазара*, и когда Г-нъ Ротчевъ, письмомъ своимъ къ вамъ доказавъ противное, требовалъ, чтобы вы напечатали его письмо, вы обѣщали это (въ 10-й книжкѣ Галатеи) и не сдержали своего слова, ибо устрашились выйдти на судъ публики; только вы, Богъ знаетъ по какому праву, утверждали, что издаваемый мною Журналъ *скоро прекратится*, или, какъ вы по своему выразились: *скоро бухнетъ въ Лету*: но Московскій Телеграфъ здравствуетъ и подъ покро-

вительствомъ законовъ и просвѣщеннаго Правительства надѣется на долголѣтіе.

Не лучше-ли было-бы вамъ, не подбирая фальшивыхъ *ключей къ лаптикамъ* (какъ сдѣлали вы съ Г. Борхардтомъ) и не оскорбляя неизвѣстныхъ вамъ людей не-литературною клеветою, внять совѣтамъ журналистовъ, и не подчивать читательницъ вашихъ подлыми похожденіями Французскаго Ваньки-Каина, Видока, Безконечнымъ днемъ передъ Грансономъ, Преступникомъ передъ казнью, въ дурныхъ переводахъ, вздорными перебранками и безграмотностью своихъ сотрудниковъ, а придерживаться своей программы, въ которой обѣщали вы издавать Дамскій Журналецъ. Но ставъ ниже Князя Шаликова достоинствомъ своего журнала, вы непремѣнно хотите быть подобнымъ ему въ упорной бранчивости (*).

Брань вашу, клеветы и сплетни я презиралъ и буду презирать, но не позволю вамъ напечатать ни одной клеветы, привязавшись ко мнѣ, на чье ли-

---

(*) Замѣчательно, что Князь Шаликовъ, вотъ уже пятый годъ, безпрерывно донъ-кихотствуетъ въ своемъ Дамскомъ Журналѣ противъ Телеграфа. Но, видя что на его брани никто не обращаетъ вниманія, онъ недавно выдумалъ новость: пересталъ прилагать къ моей фамиліи букву Г., вѣроятно думая тѣмъ оказать мнѣ грубость. Это грубо, только въ отношеніи къ самому Князю Шаликову, ибо показываетъ, что онъ не знаетъ приличій, и наблюдаемаго во всемъ образованномъ мірѣ условія *Изд.*

бо постороннее лицо. Я чуждъ всѣхъ сплетней и лжей, слѣдственно всегда могу защитить правоту отъ неблагонамѣренныхъ вашихъ нападеній.

Издатель Московскаго Телеграфа.

ПАРИЖСКІЯ МОДЫ (*).

A la seconde représentation des *Deux Nuits*, Mad. la duchesse d'O...., coeffée sans plumes ni fleurs, avait un bandeau de cheveux sur chaque tempe, trois coques au sommet de la tête, et au bas des coques, une natte qui en faisait le tour.

Mad. la baronne F ... portait un chapeau de paille de riz orné de deux queues d'oiseau de paradis, placées bout à bout, au haut de la forme. Une rosette de ruban jaune-safran attachait ces plumets par devant. Une autre rosette était placée au bas de la forme par derrière; et une troisième, plus volumineuse, se trouvait à gauche, presque sur le bord de la passe. Les bouts d'un ruban qui, dans le haut, faisait le tour de la forme, étaient tendus et venaient rejoindre cette dernière rosette. Le chapeau avait des brides garnies.

Mad. B... avait un bonnet *à la fiancée*, orné de fleurs bleues, placé très-en arrière, et de grosses touffes de cheveux sur les tempes.

Un béret de crêpe blanc était cerclé de distance en distance par une bandelette en argent.

(*) До 1 Іюня (н. с.) 1829 года.

Un béret-toque *à l'italienne*, en crêpe crêpé rose, était garni d'une forêt de plumes couleur de rose.

Plusieurs coeffures en cheveux avaient pour unique ornement une grosse rose ou une pivoine, placée par derrière, et tout-à-fait en haut.

Deux oiseaux de paradis, disposés en V ou en X, ou quatre longues plumes blanches, attachées par une grosse cocarde formaient la garniture de plusieurs chapeaux de paille de riz. Deux de ces plumes, fixées au haut de la forme, s'inclinaient vers la droite, les deux autres vers la gauche.

Presque toutes les femmes étaient en robe blanche de mousseline ou d'organdi, ou de mousseline imprimée à grand ramage.

Quelques dames portaient des redingotes de mousseline, ouvertes par devant et laissant voir un jupon brodé.

Au lieu de tenir à la main leur bouquet composé principalement de roses, plusieurs élégantes l'avaient passé entre leur ceinture.

A la seconde fête extraordinaire de Tivoli, une belle Italienne que l'on rencontre dans tous les endroits publics, avait une robe de mousseline claire fond nankin à dessins chinois en colonnes; des manches *à l'imbécille*, de hautes manchettes de tulle brodé, et une pélerine pareille, à haut volant: au bas de sa robe, deux volans; le supérieur à tête plissée; une écharpe, dite *printannière*, fond blanc, à fleurs brodées en soie de couleur; un chapeau de paille d'Italie tout-à-fait en arrière de la tête, et orné de deux longues branches d'aube-épine, cintrées l'une au-dessus de l'autre; rubans de gaze satinée à larges raies blanc sur blanc; petite cornette de blonde faisant mentonniére, et deux larges brides en ruban de gaze, l'une partant du haut de la forme, l'autre du

bas de cette forme, et du côté opposé: toutes deux flottantes par derrière. Cheveux *à la Judith*, c'est-à-dire rapprochées au milieu du front, puis tombant en grosses boucles étagées jusqu'à la naissance du col, comme, sur le tableau de Véronnèse, *la Judith*.

Les trois quarts des chaussures étaient des brodequins de couleur foncée, rembrunie, extrêmement quarrés de bout.

Nous avons hésité jusqu'à ce jour à faire connaître le vrai nom par lequel on désigne dans le monde les manches longues et larges qui, n'étant plus soutenues du haut par un bouffant, tombent entre le coude et le poignet, de manière à former en dessous comme un appendice: on les appelle manches *à l'imbécille*;

Дамскіе костюмы въ театръ. На 2-мъ представленіи пьесы: *Двѣ ночи*, головная уборка Герцогини О... была совсѣмъ безъ цвѣшовъ и ленштъ, съ складками волосовъ на вискахъ и тремя большими пуками на верху головы, которыя обведены были кругомъ плетушкою волосовъ.

Баронесса F . . . была въ бѣлой соломенной шляпкѣ, убранной двумя хвостами райскихъ птичекъ, на верху тульи; розеткою изъ желто-шафранной ленты, укрѣплены были сіи два плюмажа; другая розетка была внизу тульи сзади; третья, всѣхъ огромнѣе, слѣва почти на краю полей. Концы ленты, которою вверху обведена тулья, были распущены и соединялись съ сею розеткою. Завязки у шляпки нарядныя.

Г-жа В . . . въ чепчикѣ à la fiancée, сдвинутомъ назадъ головы и убранномъ голубыми цвѣтами; большіе пуки волосовъ на вискахъ.

Бѣлый креповый беретъ былъ окруженъ серебряною лентою, въ нѣсколько рядовъ, въ нѣкоторомъ одинъ отъ другаго разстояніи.

Токъ-беретъ *Итальянскій*, изъ розоваго крепъ

крепе, украшенъ былъ множествомъ (*лѣсомъ*, говоритъ Парижскій журналистъ) розовыхъ перьевъ.

У многихъ головныхъ уборокъ все украшеніе состояло въ огромной розѣ или піонѣ сзади, вверху головы.

Двѣ райскія птички, въ видѣ буквы V или буквы X, и четыре длинныя бѣлыя пера, прикрѣпленныя огромною кокардою, составляли уборку многихъ бѣлыхъ соломенныхъ шляпокъ. Два пера должны наклоняться на право, два на лѣво.

Почти всѣ дамы были въ бѣлыхъ кисейныхъ или органдиныхъ платьяхъ или въ платьяхъ кисейныхъ набивныхъ большими узорами. Иныя были въ кисейныхъ рединготахъ, открытыхъ шакъ, что видно было надѣтое подъ ними вышитое платье.

Вмѣсто того, чтобы держать въ рукахъ свои букеты цвѣтовъ, составленные преимущественно изъ розъ, многія щеголихи имѣли ихъ за поясами.

Костюмы на гулянье. На второмъ праздникѣ въ Тивольскомъ саду, прелестная Испальянка, которую часто встрѣчаютъ Парижане въ публичныхъ собраніяхъ, была одѣта щегольски, слѣдующимъ образомъ: платье изъ прозрачной кисеи, планшеваго цвѣта, съ цвѣтными Китайскими узорами; рукавчики à l'imbécille; широкія манжеты изъ шитаго тюля, съ такою-же пеллеринкою, съ огромнымъ буфомъ; внизу платья два буфа, верхній съ складками; шарфъ, называемый printannière, бѣлый, съ цвѣтами, вышитыми цвѣтнымъ шелкомъ; соломенная шляпка, совсѣмъ сзади головы, съ двумя длинными вѣшками боярышника, одна надъ другою, газовыми атласистыми лентами, съ широкими бѣлыми по бѣлому полосками, и съ маленькимъ блондовымъ чепчикомъ, образовавшимъ завязку у подбородка, съ двумя широкими завязками изъ газовыхъ лентъ, изъ коихъ одна шла съ верха тульи, другая снизу, съ другой стороны, и обѣ вѣялись сзади шляпки. Волосы были убраны à la Judith, то есть, раздѣлены на лбу и потомъ шли ровными рядами бу-

коль по обѣимъ сторонамъ лица до самой шеи, какъ изображена *Юдиѳь*, на извѣстной каршинѣ Павла Веронеза.

Три четверти дамъ было въ полусапожкахъ, шемныхъ цвѣшовъ, съ носками, обрубленными тупо.

« До сихъ поръ«, говоришъ Парижскій Журналистъ: « мы колебались, сказать-ли читательницамъ нашимъ настоящее названіе, какое дано щеголихами длиннымъ, широкимъ рукавчикамъ, которые, не поддерживаясь въ верху буфомъ, висятъ между локшемъ и кистью руки, образовывая собою, какъ будто прибавку къ рукавамъ: ихъ называютъ— manches à l'imbécille (imbécille — *дурочка, слабоумная*).

На приложенной каршинкѣ:

Дама. Кисейное платье, съ буфами и шитьемъ; креповый шарфъ, шитый шелкомъ; шляпка бѣлой соломы, съ цвѣшами и марабу.

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ шѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлены были въ Цензурный Комитетъ *три* экземпляра. Москва, Іюня 13 дня 1829 года.

Цензоръ Сергѣй Глинка.

ВЪ ТИПОГРАФІИ АВГУСТА СЕМЕНА.

ПРИБАВЛЕНІЕ
КЪ
МОСКОВСКОМУ ТЕЛЕГРАФУ.

№ 11. *Іюнь.* 1829.

ВСЕОБЩАЯ СИСТЕМА МѢРЪ,

УПОТРЕБЛЯЕМЫХЪ ВЪ МЕХАНИЧЕСКИХЪ ИСКУСТВАХЪ.

(*Окончаніе*).

Астрономъ беретъ за *единицу* среднюю долготу дня, выведенную изъ долготы всѣхъ дней года; потомъ дѣлитъ сей астрономическій день на часы, минуты, секунды, и такъ далѣе. Время, выведенное посредствомъ сихъ мѣръ, называется *временемъ среднимъ*.

Составляя новую систему мѣръ и вѣсовъ, Французы приняли для дѣленія года систему Египтянъ и Аѳинянъ, выходцовъ изъ Египта: годъ раздѣлили на 12 мѣсяцовъ; мѣсяцъ на три *декады* (десятка), состоящія каждая изъ 10 дней; каждый годъ рѣшились прибавлять 5 дней, *дополнительныхъ* къ 360 днямъ 36-ти декадъ. Каждые четыре года, *шестой дополнительный день* производилъ 366 дней въ высокосномъ годѣ.

Сія система превосходитъ простотою и точностію странную и безобразную смѣсь, какую представляютъ двѣнадцать мѣсяцовъ по 28, 29, 30 и 31-му дню, и 52 недѣли обыкновеннаго календаря. Но привычка сдѣлала то, что вѣроятно весьма нескоро дни *декадъ* заступятъ мѣсто *субботъ*. Дѣленіе дня на десять часовъ, часа на 100 минутъ, минуты на 100 секундъ, также не легко могутъ быть введены во всеобщее употребленіе, не смотря на удобства.

Вообще при введеніи новой системы мѣръ и вѣсовъ во Франціи, встрѣтилось множество препятствій. Главная ошибка нововводителей состояла въ томъ, что они хотѣли *заставить* употреблять немедленно, когда надобно было сперва дать средства и способы употребленія, и ввести новость въ народъ тихо, безъ принужденія и по собственному убѣжденію каждаго.

Реформу можно было начать съ монеты, переплавивъ всѣ старыя деньги и чеканя новыя по новому разсчету мѣръ. Это и сдѣлали, но кое-какъ, безъ порядка и точности. Другая ошибка была въ томъ, что велѣли употреблять новую мѣру, не приготовивъ напередъ достаточнаго количества аршиновъ, вѣсовъ, и проч. Отъ сего вышло, что купцы принуждены были на старыхъ мѣрахъ отмѣчать разницу новыхъ и тѣмъ болѣе, что покупатель требовалъ аршинъ (aune) сукна, но не метръ, два фунта хлѣба, но не ки-

лограмму, пинту вина, а не литру. Со временемъ исчезли-бы сіи неудобства. Теперь почти во всей Франціи новая монетная система распространилась и утвердилась. Стеры, килограммы, литры приняты въ народномъ употребленіи. Будемъ надѣяться, что очевидная удобность, легкость въ разсчетахъ и правильность мѣръ истребятъ всѣ предразсудки, кроющіеся донынѣ на счетъ новыхъ мѣръ и вѣсовъ по разнымъ угламъ Франціи. Я хочу поговорить съ вами теперь о другихъ затрудненіяхъ, происходящихъ отъ самой природы вещей, а не отъ временныхъ предразсудковъ и недоумѣній человѣческихъ. Наше разсужденіе можетъ дополнить средства, кои должно употребить для совершеннаго и общаго введенія новыхъ мѣръ.

Тяжело и трудно оставлять систему мѣръ, издавна принятую; первое время введенія новой системы кажется представляющимъ болѣе неудобствъ, нежели выгодъ. Вотъ какія главныя представляются затрудненія въ семъ случаѣ:

Всѣ предметы, употребляемые въ занятіяхъ художественныхъ и въ общественной жизни, машины, орудія, снаряды, мебели, зданія, составлены изъ веществъ, коихъ протяженіе, вѣсъ, объемъ мы знаемъ болѣе по опыту, нежели по сужденію и вычету. Мало по малу наша память удерживаетъ наименованія, коими изображаетъ для себя человѣкъ объемы, вѣсы и протяженія,

въ отношеніи къ основной единицѣ мѣры. Если художникъ не озаряетъ своихъ познаній свѣтильникомъ теоріи, то все его знаніе будетъ заключаться въ семъ частномъ вѣдѣніи величинъ разнаго рода. Перемѣните единицу мѣры, и — весь числительный талантъ художника потерялся совершенно! Для маленькаго размѣра, ему потребно будетъ численіе, потеря времени, прибавка работы, а лѣность—ораторъ всегда краснорѣчивый! Это еще не все. Наши мысли неразлучны отъ языка, намъ извѣстнаго, и изучивъ другой языкъ, мы все еще долго не можемъ слѣдовать за нимъ за нитью нашихъ понятій, думать, сравнивать, размышлять на семъ новомъ для насъ языкѣ, безъ того, чтобы не переносишься въ прежній, уже знакомый намъ. Это можетъ испытать на себѣ всякій изъ насъ. Таково точно дѣйствіе чувственныхъ и умственныхъ нашихъ способностей. Употребя въ дѣло извѣстную единицу мѣръ, мы *чувствуемъ* уже ее *воображеніемъ*, то есть: *видимъ въ пространствѣ величину сей единицы*. Воображеніе наше научается прикладывать оную въ идеѣ къ предметамъ, коихъ она представляетъ сущность, и приобрѣтеніе такого *чувства мѣры* весьма важно въ искусствахъ и ремеслахъ: это геометрическіе глаза, и поелику дѣйствіе бываетъ при томъ быстрое, то ничего не можетъ быть удобнѣе и легче.

Слѣдственно, принуждая того, кто обладаетъ чувствомъ той или другой мѣры, перемѣнить свою единицу, если это человѣкъ обыкновенный, то есть, таковъ каковы всѣ, исключая не многихъ необыкновенныхъ людей, мы принуждаемъ его *потерять чувство пространства*. Онъ видитъ длину аршина, можетъ понять по этому длину трехъ аршинъ, легко можетъ прибавить вершокъ, образовать для себя вѣрное изображеніе всей этой длины, и между тѣмъ все будетъ онъ чувствовать ее по извѣстной ему единицѣ. Онъ приложилъ только ее къ предмету и свелъ протяженіе на память. Но для метровъ ему надобно будетъ вычитать, сколько извѣстное протяженіе метровъ сдѣлаетъ аршинъ; потомъ преобратить сперва протяженіе въ аршины, и наконецъ свести въ метры. Работа продолжительная и тяжелая, для человѣка привыкшаго къ легкому вычету по старой мѣрѣ! Нѣтъ сомнѣнія, что въ малое время наблюдательный умъ приобрѣтетъ чувство познанія новой мѣры. Но много-ли такихъ людей, которые согласятся будущее большое удобство купить пожертвованіемъ удобства настоящаго, хотя и малаго?

Мы видимъ важную роль, которую занимаетъ память въ дѣйствіяхъ искусствъ. Дѣлая гораздо лучше то, что проще и легче для нихъ, люди привели всѣ предметы въ основное отношеніе съ принятыми мѣрами, постарались выразить

въ *круглыхъ* числахъ протяженія, обыкновенно употребляемыя въ промышленности. Понятно, что человѣкъ не исчислявшій въ жизнь свою ни однажды силы маленькаго куска желѣза, камня, дерева, не знаетъ: 12, $12\frac{1}{2}$ или $12\frac{1}{4}$ дюймовъ надобно употребить ему какого нибудь матеріяла. Какъ-же на простой взглядъ откроетъ онъ мѣру того или другаго протяженія, если это протяженіе менѣе 12-й части? Такая точность превосходитъ обыкновенныя занятія его ума. Посему отрубокъ, который онъ употребляетъ, долженъ имѣть вѣрно *футъ*, и это для него лучшая мѣра, потому что самая простая. Впрочемъ, всего чаще мѣры предметовъ переходятъ, отъ отца къ сыну, отъ мастера къ ученику, по преданіямъ; въ дѣлахъ промышленности, какъ и въ другихъ общественныхъ занятіяхъ, время все дѣлаетъ неприкосновеннымъ. При перемѣнѣ системы мѣръ, круглыя числа первой системы совсѣмъ измѣняются. Между тѣмъ, человѣкъ, знающій, что ему надобенъ отрубокъ въ футъ длиною, видѣвшій у отца или мастера своего футовые отрубки, оспается при понятіи этомъ, и что̀ пойметъ онъ, если ему велятъ взять отрубокъ, исчисляя его метрами? Онъ почтетъ основаніе своего знанія неопроверженнымъ, если кто либо, вѣдая истинное протяженіе отрубка, скажетъ ему: «По математической точности надобно не 12 дюймовъ, сведенныхъ въ метры,

но три децимстра, или три децимстра съ половиною.»

Многіе наши писатели, употребляя въ своихъ сочиненіяхъ новыя мѣры, присовокупляли къ нимъ и означеніе старыхъ, а поелику сіи послѣднія знакомѣе первыхъ большему числу читателей, то и выходило, что умы читателей сихъ останавливались естественно на старой мѣрѣ, и читатели не думали о новой.

Вотъ еще обстоятельство, достойное замѣчанія. Память есть *наука сходствъ*, и мы легче удерживаемъ въ памяти, выраженное языкомъ намъ знакомымъ. Не зная сего обстоятельства, многіе дѣйствительно думали, что новыя мѣры сами по себѣ были труднѣе для памяти, нежели равныя имъ, если-бы онѣ были выражены старыми названіями. Все соединялось для поддержанія такого заблужденія. Чѣмъ лучше старыя мѣры приведены были для какого нибудь предмета въ круглыя или простыя числа, тѣмъ болѣе сіи круглыя числа требовали сложныхъ вычетовъ новыхъ мѣръ, дабы выразить ими извѣстныя количества. И такъ, когда желая знать протяженіе, прежде выражаемое круглымъ числомъ, находили его въ новыхъ мѣрахъ, выражаемое дробями, само по себѣ разумѣется, что невыгода по видимому была на сторонѣ новыхъ мѣръ.

Другіе писатели употребляли въ сочиненіяхъ

своихъ только новыя мѣры, но для примѣровъ брали они предметы и протяженія по старымъ мѣрамъ выведенныя. Отъ того выходило, что, напримѣръ, извѣстное какое нибудь зданіе представляло у нихъ дроби, и такъ какъ многіе старались притомъ дойдти до математической точности, совсѣмъ не нужной во многихъ случаяхъ, то вычеты были затруднительны и непонятны для простыхъ людей.

Надобно-бъ было для всѣхъ искуствъ и занятій, при введеніи новыхъ мѣръ, составить таблицы, въ круглыхъ числахъ, по симъ новымъ мѣрамъ. Сіи таблицы представили-бы существенные выводы къ мѣрѣ, вѣсу, цѣнности предметовъ. Тогда всѣ-бы увидѣли выгоды, удобства новой системы и приняли-бы ее въ самое коротkое время, ибо, если промышленность какого либо народа уже довольно осуществлена, то ремесла, художества и занятія, составляющія оную, бываютъ связаны между собою тѣснымъ и неразрывнымъ союзомъ. Весьма немного изъ нихъ такихъ, которыя не брали-бы одно отъ другаго, или орудій, или матеріяловъ; есть знанія, коихъ вся цѣль состоитъ въ томъ, чтобы удовлетворять сему роду взаимныхъ потребностей. На сіи-то знанія надобно было особенно обратиться, и всѣми средствами надобно было стараться ускорить введеніе новыхъ мѣръ, преобразовавъ всѣ цѣнности, всѣ протяженія ихъ произведеній въ круглыя числа по но-

вымъ мѣрамъ. Истребивши всѣ старыя формы, модели, образцы, или оставивъ ихъ до естественнаго истребленія, но дѣлая новыя уже по новой системѣ, вскорѣ достигли-бы важныхъ слѣдствій. Слѣдовало установить, чтобы фабриканты и заводчики дѣлали все по новымъ мѣрамъ, напримѣръ, чтобы ткачи ткали всѣ матеріи въ метръ, или въ 5, 6, 7 дециметровъ. Надобно было вводителямъ новой системы съ терпѣніемъ войдти во всѣ подробности искуствъ, ремеслъ и общественныхъ занятій, вездѣ приноровить и устроить размѣры и вычеты. Трудъ былъ огромный и — болѣе полезный, нежели блестящій, но успѣхъ наградилъ-бы сей прудъ, и никто, никакимъ сомнѣніемъ не отнялъ-бы чести полезнѣйшаго изобрѣтенія нашего времени.

Перейдемъ отъ сихъ общностей къ частностямъ, дабы сказанное нами вообще, доказать примѣрами. Если гдѣ либо долженствовали быть приняты новыя мѣры, то конечно всего преимущественнѣе въ казенныхъ работахъ, ибо оныя ввѣрены бываютъ попеченію людей высшаго образованія, и сіи люди, соединенные своимъ званіемъ съ Правительствомъ, находящіеся, такъ сказать, при рулѣ его и компасѣ, суть установители, распространители его видовъ, его дѣйствій. Посмотримъ, какъ они поступали въ отношеніи предмета насъ занимающаго.

Военные инженеры и начальствующіе надъ устройствомъ мостовъ и дорогъ, по свойству своихъ занятій, требующихъ большихъ вычетовъ, выигрывали столь много при новой системѣ, что приняли ее немедленно и вполнѣ. Они передѣлали рѣшительно всѣ свои размѣры и табели, и теперь не употребляютъ уже старыхъ мѣръ.

Но морскіе чиновники далеко отъ нихъ отстали. Едва года въ четыре издали они табели размѣра корабельныхъ лѣсовъ по новой системѣ. Не смотря на безчисленныя ошибки сего перваго труда, поелику размѣры корабельныхъ лѣсовъ всегда составляли трудное дѣло по старой системѣ мѣръ, и весьма легки по системѣ новой, употребленіе новыхъ мѣръ введено было въ государственныхъ адмиралтействахъ. Но дабы приложить новыя мѣры къ самой постройкѣ кораблей, надлежало заняться работою затруднительною: привесть въ круглыя числа дефекты кораблей, фрегатовъ, и вообще всѣхъ судовъ, показывая точно протяженіе и мѣру всѣхъ частей каждаго рода судовъ. Надлежало распространить сію безмѣрную работу на всѣ искуства, принадлежащія къ мореплаванію, и въ наукѣ инженера также составляющія часть занятій. Не исполнивъ сихъ предварительныхъ работъ, долго принуждены были мы употреблять въ занятіяхъ по адмиралтействамъ мѣры двойныя, на коихъ были означены и мепры и футы, старая и новая система

тѣръ, такъ, что старая мѣра всегда оставалась преимущественною. Но когда знаменитый воспитанникъ Политехническаго Училища, Маркизъ Клермонъ-Тоннеръ, вступилъ въ управленіе Морскимъ и Колоніяльнымъ Департаментомъ, то замѣчательная перемѣна сдѣлана была мгновенно и рѣшительно. Онъ утвердилъ, чтобы впредь не употребляли ни подъ какимъ видомъ въ портахъ и морскихъ арсеналахъ старой мѣры, велѣлъ изломать всѣ мѣрки, на которыхъ съ одной стороны начертена была старая, съ другой новая мѣра, и система новыхъ мѣръ утвердилась неизмѣнно.

Замѣтимъ здѣсь медленный, но вѣрный успѣхъ благодѣяній, какія приобрѣтаются отъ хорошо устроенныхъ училищъ, гдѣ юношество получаетъ образованіе высшее и основательное. Они оказываютъ вліяніе, которое растетъ съ годами, и воспитанники такихъ училищъ, достигая высшихъ степеней въ государствѣ, суть представители благодѣтельныхъ нововведеній, о коихъ не они и подумать-бы не смѣли.

Другое общественное дѣло покажетъ намъ еще болѣе силу препятствій, встрѣчающихся при нововведеніяхъ. Въ артиллеріи главное дѣло, отъ коего всѣ другія подробности зависятъ, есть вѣсъ ядра или *калиберъ*. Размѣръ пушки, ея лафетовъ, ящиковъ, зарядовъ, все это есть слѣд-

ствіе упомянутой нами первой *данной*. Но вѣсъ ядра, выражаемый *круглымъ числомъ* по старой системѣ, не былъ уже таковымъ по новой. Какъ-же назвать, на примѣръ, 24-хъ фунтовую пушку? Пушкою въ 12 килограммъ? Но это будетъ ошибка, ибо 12 килограммъ составляютъ болѣе, нежели 24 фунта. Въ 11 килограммъ? Опять ошибка, ибо шутъ нѣчто не достанетъ до 24 фунтовъ! Если назвать просто: пушка въ 11, въ 12, то названіе будетъ ложное, зарядъ и всѣ другія данныя, установляемыя вѣсомъ ядра, будутъ также ложныя. Впрочемъ, подобныя затрудненія болѣе мнимы, нежели дѣйствительны. Лучшее устройство литья пушекъ и ядеръ даетъ средства прибавить вѣсъ ядра: нынѣ вѣсъ ядеръ превосходитъ число фунтовъ, показываемое калибромъ, и болѣе нежели полу-килограммою увеличиваетъ число фунтовъ, коимъ выражается калиберъ пушекъ и карронадъ.

Во время введенія въ артиллерію новой системы мѣръ, можно-ли было ожидать такого легкаго способа, которымъ прекращаются всѣ неудобства? Когда наша система образованія войскъ принимала совсѣмъ новое, небывалое развитіе, когда надобно было умножать число литейныхъ, кузницъ, оружейныхъ, особливо когда, по причинѣ огромности и неслыханной дѣятельности, инструменты старыхъ заведеній негодились къ употребленію, тогда легко могли перемѣнить

калибры 4-хъ, 6-пи, 8-ми фунтовъ, на калибры
-хъ, 6-пи, 8-ми килограммъ. Вскорѣ число но-
ыхъ пушекъ превзошло-бы число старыхъ, и
потребленіе, безпримѣрно великое, вскорѣ со-
сѣмъ-бы ихъ уничтожило; перемѣна сдѣлалась-
ы непримѣтно и безъ усилій. Если кто опасал-
я мгновеннаго умноженія калибровъ, слѣдствія
ововведеній, то опасеніе уничтожилось-бы тѣмъ,
что вооруженіе извѣстныхъ мѣстъ и въ извѣст-
ыхъ случаяхъ можно было дѣлать старыми
новыми орудіями отдѣльно. Это требовало
олько излишней перевозки орудій, но всегда
еремѣщая старыя орудія изъ мирныхъ мѣстъ въ
ѣста военныя, и отъ запасныхъ корпусовъ въ
ѣйствующіе, а вновь сдѣланными замѣщая мѣ-
ша въ разныхъ депо, резервныхъ паркахъ, мѣ-
тахъ внутреннихъ, или неугрожаемыхъ войною,
ереставляя на корабли старыя пушки, а но-
ыми покрывая порты, морскія мѣста, мы про-
то сдѣлали-бы то, что при началѣ казалось
редпріятіемъ исполинскимъ для людей недально-
идныхъ.

И развѣ теперь такое постепенное введеніе
евозможно? Думаемъ противное, и полагаемъ,
по и нынѣ, хотя медленнѣе, сіи способы легко
овели-бы насъ къ цѣли. Долженствовало бы
олько перемѣнить надлежащимъ образомъ діа-
епръ сверла, а остальное сдѣлалось-бы само
обою.

Но будетъ или не будетъ въ артиллеріи та
кая перемѣна, ничто не препятствуетъ ввести
въ артиллерію новую систему для размѣровъ про
тяженій. Они не имѣютъ ничего общаго съ мѣ
рами вѣса. Калибры 4, 6, 8-ми фунтовыхъ ору
дій также не приходятся въ круглыя числа, есл
считать *дюймами*, и не все-ли равно въ сем
случаѣ, если перемѣнить *дюймы* на *центиме
тры?* Такъ и въ другихъ размѣрахъ. Превос
ходную услугу оказалъ-бы отечеству потъ офи
церъ нашей знаменитой артиллеріи, которы
принялъ-бы на себя, какъ механикъ и геометръ
приведеніе всѣхъ старыхъ, освященныхъ употре
бленіемъ размѣровъ, въ простыя или круглы
числа новой системы. Трудъ полезнѣйшій! Усо
вершенствованія, даже не подозрѣваемыя нынѣ
конечно были-бы плодомъ сего счастливаго пред
пріятія. Со временемъ, естественныя выгоды
могущія произойдти отъ сего труда, принудили
бы артиллеристовъ принять вполнѣ новую си
стему и, рано или поздно, самое исправлен
калибровъ было-бы сдѣлано для успѣховъ въ зан
тіяхъ по артиллеріи. . . . . .

Если-бы во всѣ казенныя заведенія и работы
безъ остановки и замедленія приняты были но
выя мѣры, онѣ вскорѣ были-бы введены во вс
занятія и гражданскія искусства, связанныя межд
собою необходимыми узами. Уже химическія и
кусства съ пользою употребляютъ новую систе

лу. Большое число людей, занятыхъ разными искусствами, распространятъ понемногу познанія, ими приобрѣтенныя, а время побѣдитъ всѣ затрудненія.

Объяснивъ препятствія, представляемыя перемѣною цѣнности мѣръ, обратимся къ затрудненіямъ, представляемымъ перемѣною наименованій.

Причины, для коихъ взяты названія новыхъ мѣръ изъ Древнихъ языковъ, были столь глубокомысленно обдуманы, что толпа не могла понять ихъ. Для чего, говорили многіе, для чего брать имена, которыя только ученые могутъ понимать? Не довольно-ли затрудненій и въ томъ, что самыя мѣры измѣнены: надобно-ли было прибавлять еще къ этому затрудненія въ самыхъ названіяхъ? Не уже-ли надобно было думать намъ о цѣломъ чловѣческомъ родѣ? Чѣмъ остроумнѣе идея: выразить умноженіе и дѣленіе словами, сложными изъ двухъ частей, которыя показываютъ и родъ и измѣненіе единицы, тѣмъ легче сіи тонкіе оттѣнки, при стараніи выразить ихъ примѣтнѣе, ускользнутъ отъ общаго вниманія. Всегда будутъ смѣшивать милиметры, центиметры, дециметры, по сходству звуковъ.

Можно-ли повѣрить тому, что возраженія столь ничтожныя, уничтожали въ понятіи многихъ пользу новыхъ наименованій мѣръ!

Не уже-ли не должны мы дѣлать никакихъ пожертвованій системѣ, изобрѣтенной столь счастливо и удачно, чтобы дать удобнѣйшее средство другимъ народамъ пользоваться оною, не оскорбляя ихъ гордости именами, которыя напоминали-бы имъ *Французское* происхожденіе сей системы? Для многихъ сія причина непонятна. Скажемъ сильнѣйшую: взявъ наименованія изъ старой системы, не затруднительнѣе-ли было-бы для насъ выражать мѣры съ безпрерывнымъ прибавленіемъ: *старый*, *новый* футъ, дюймъ, или вводить въ безпрерывное недоумѣніе, какую мѣру разумѣютъ, говоря просто: *футъ*, *дюймъ*? Послѣдняго не льзя было-бы избѣжать, если-бы мы и условились прибавлять всегда слова: *старый*, *новый*. Лѣность людская въ семъ случаѣ бываетъ удивительная. И теперь многіе не хотятъ говорить вполнѣ: *килограмма*, а произносятъ только *кило*, такъ, что надобно знать подробности напередъ, чтобы понять, о чемъ идетъ дѣло: кило*литрѣ*, кило*метрѣ*, или кило*граммѣ*? Что-же за путаница вышла-бы, если-бы стали всѣ говорить не прибавляя: какой системѣ слѣдуютъ, произнося слова: *футъ дюймъ*? Надобно подумать и о потомствѣ. При лѣности нашей означать, какою мѣрою считаемъ мы футы и дюймы, съ потомками нашими то-же случилось-бы, что теперь съ нами въ отношеніи Древнихъ народовъ. У Грековъ было четыре род

стадій, и они никогда не прибавляли, который родъ разумѣютъ, означая протяженіе стадіями; теперь мы рѣшительно путаемся, желая знать мѣры протяженій, находимыя въ сочиненіяхъ Древнихъ.

И не уже-ли трудно затвердить номенклатуру, составленную всего изъ 15 словъ? Мы всегда любимъ увеличивать трудности, дабы имѣть удовольствіе называть ихъ непреоборимыми. Уже около вѣка прошло, какъ успѣхи знаній безпрерывно вводятъ въ нашъ языкъ множество новыхъ наименованій, и слова Греческія переходятъ въ обыкновенный, даже простонародный языкъ. Кто теперь не знаетъ словъ: *барометръ, термометръ*? Развѣ легче затвердить сіи названія, нежели *километръ*?

Какое дитя не затверживаетъ нынѣ весьма легко словъ: *косморама, діорама, панорама, георама, фантасмагорія*, и не удерживаетъ въ умѣ яснаго о каждомъ изъ предметовъ, ими означаемыхъ, понятія? Повторяю: легче-ли сіи слова *метра, дециметра*? И между тѣмъ они означаютъ только образы, тѣни, измѣняющіяся, улетающія мгновенно, а послѣднія, напротивъ, вещественные размѣры, которые можно осязать и узнать постоянно, однажды и навсегда, ибо они никогда не измѣнятся. Признаемся: мы столько-же трудолюбивы для ничтожныхъ забавъ, сколь-

ко лѣнивы для потребностей необходимыхъ и существенныхъ!

Но не будемъ искать примѣра названій отдѣльныхъ, и потому, можетъ быть, болѣе легкихъ къ запамятованію; я представлю вамъ лучше огромную номенклатуру, принятую всею Европою, именно, номенклатуру химическую. Нынѣ, каждый аптекарь, каждый деревенскій лекарь знаетъ главнѣйшія слова оной. Что-же надобно-бъ было сказать о Французскихъ химикахъ, если-бы, стараясь быть удобопонятнѣе продавцамъ кореньевъ и лекаркамъ, они отринули свою превосходную систему химическихъ названій, установившую порядокъ въ идеяхъ о самой наукѣ? Если-бы они выдумали свои Французскія названія, Нѣмцы, Итальянцы, Англичане свои особенныя названія, и каждый старался взять сіи названія изъ своихъ родныхъ языковъ, вмѣсто одного, общаго ученаго языка, химики Европейскіе имѣли-бы ихъ теперь двадцать. Но химики Французскіе стали на понятія гораздо возвышеннѣйшія. Они передѣлали всю безмѣрную номенклатуру своей науки, взяли наименованія изъ языка Древняго, равно понятнаго для всѣхъ, и въ десять лѣтъ новый, систематически составленный ученый языкъ принятъ всѣми народами, сдѣлался общимъ у всѣхъ. Замѣтимъ однакожъ, что химики наши не побоялись труда, и составили полный языкъ для всѣхъ химическихъ подробностей. Также должно-бы по-

ступить и вообще въ системѣ новыхъ мѣръ: надобно-бы привесть всѣ подробности, всѣ потребности къ одной, общей системѣ. Этого вполнѣ не сдѣлано донынѣ. Надобно сдѣлать: мы сказали это выше, и подтверждаемъ здѣсь снова.

И какъ наши химики, вполнѣ разсматривая всѣ подробности своей науки, дабы съ точностію установить пропорцію началъ, оныя производящихъ, въ семъ разсмотрѣніи обрѣли источникъ множества новыхъ открытій, такъ составляя вѣрнѣйшія таблицы количествъ всякаго рода, образующихъ данныя всѣхъ искусствъ и занятій общественныхъ, мы сдѣлали-бы, или приготовили по крайней мѣрѣ, безчисленное множество новыхъ усовершенствованій, привели-бы къ учету множество практическихъ производствъ, донынѣ не подвергнутыхъ математической точности; сей трудъ сдѣлался-бы для насъ обильнымъ источникомъ будущихъ успѣховъ!

При семъ № *Прибавленія* находится *изображеніе новомоднаго стола Парижскаго*, для галлерей, домашнихъ комнатъ и садовыхъ бесѣдокъ.